

М. Сумцовъ.

ЭТЮДЫ

ОБЪ

А. С. ПУШКИНЪ.

Оттискъ изъ „Русск. Филол. Вѣстн.“

Вып. I-й.

ВАРШАВА.

ТИПОГРАФІЯ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА:
Королевская № 13.

1893.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Подъ общимъ заглавіемъ „Этюды о А. С. Пушкинѣ“ печатается рядъ статей о пушкинскихъ стихотвореніяхъ небольшого объема. При выборѣ стихотвореній объемъ потому прежде всего принятъ во вниманіе, что каждому разбираемому стихотворенію отводится особая, отдѣльная глава, причемъ стихотвореніе для наглядности приводится цѣликомъ и сопровождается довольно подробнымъ историко-литературнымъ комментариемъ. Изъ 5 или 6 главъ составляется отдѣльный выпускъ. Каждому стихотворенію отводится самостоятельное мѣсто; но при этомъ авторъ считаетъ обязательнымъ для себя отмѣчать сходныя черты въ другихъ пушкинскихъ стихотвореніяхъ и слѣдить по отношенію къ нѣкоторымъ стихотвореніямъ, какъ въ душѣ поэта постепенно формировался, укрѣплялся и развивался художественный образъ и какъ укладывались и вариіровались въ сознаніи Пушкина поэтическіе мотивы, заимствованные имъ изъ нѣдръ русской народной поэзіи и изъ литературъ народовъ иноплеменныхъ.

Дозволено Цензурою.
Варшава, 13 декабря 1893 года.

I.

„Пророкъ“.

Въ недавно вышедшемъ собраніи сочиненій В. Д. Спасовича (II, 335—337) критикъ и порицанію подвергся „Пророкъ“ А. С. Пушкина—такое произведеніе, которое, какъ солнце художественной красоты и силы, до сихъ поръ стояло недосягаемо высоко. Принципіально никто, разумѣется, не можетъ отрицать законность и основательность критическаго отношенія къ великимъ художникамъ и къ величайшимъ произведеніямъ поэзіи, въ частности къ Пушкину и его „Пророку“; но желательно при этомъ, чтобы соблюдало было строго научное отношеніе къ предмету изслѣдованія и въ основу критики положены были соображенія, вѣдательно провѣренныя и тщательно обдуманныя. „Плодомъ усидчиваго чтенія Библии, говоритъ г. Спасовичъ, явилась передѣлка 6 главы книги пр. Исаи . . . , озаглавленная „Пророкъ“, о которой сложилась даже цѣлая легенда и съ которою комментаторы Пушкина возятся (!), какъ — не только съ красивѣйшимъ, но съ глубокомысленнѣйшимъ созданіемъ поэта, опредѣляющимъ задачи и высокое назначеніе поэзіи“. Далѣе г. Спасовичъ опровергаетъ то преданіе, что въ концѣ „Пророка“ были строфы ¹⁾ личнаго свойства и самое стихотвореніе предполагалось къ подачѣ Государю. Вопреки опроверженію это преданіе представляется весьма вѣроятнымъ, по множеству аналогическихъ примѣровъ изъ поэтической дѣятельности Пушкина, когда онъ выбрасы-

¹⁾ „Возстанъ пророкъ, пророкъ Россіи“ и пр. см. Спасовича II, 335.

валъ изъ стихотвореній личныя субъективныя черты, которыя выдавали постороннимъ ближайшіе его мотивы и побужденія. Такъ, ранѣе были исключены послѣднія строки въ превосходномъ стихотвореніи „Рѣдѣтъ облаковъ летучая гряда“. Дѣлалось это по глубокому чувству красоты и въ интересахъ поэтической правды. Съ устраненіемъ субъективнаго элемента получалось такое общечеловѣческое, художественное произведеніе, которое можно примѣнить къ разнымъ историческимъ лицамъ и событіямъ, которое выше всякой „злобы дня“.

„Что касается до внутренняго смысла Пророка, говорить г. Спасовичъ, то въ цѣломъ стихотвореніи нѣтъ никакого намека на то, чтобы подъ этимъ словомъ Пушкинъ подозрѣвалъ не пророка, а поэта. Мы имѣемъ передъ собою настоящаго пророка, но только немного преобразованнаго въ томъ смыслѣ, что ветхозавѣтный пророкъ, имѣющій видѣнія и отъ самого Бога получающій непосредственно приказанія, не нуждался въ угадываніи, посредствомъ нѣкотораго рода ясновидѣнія, процессовъ жизни и законовъ природы, что онъ могъ и не ощущать „я неба содроганіе, и горній ангеловъ иголетъ, и гадъ морскихъ подводный ходъ, и дольней лозы прозябанье“. Я не нахожу, заключаетъ г. Спасовичъ, чтобы очень удачна была замѣна очищенія устъ стихіею огня — горящимъ углемъ, превращеніе языка въ жало змѣи, потому что жаломъ можно только жалить, а не жечь, притомъ жало считается особенно хитрою, а потому и мудрой змѣи — во всякомъ случаѣ, съ точки зрѣнія міра, лукавѣе языка человѣческаго. Не очень удачна и другая замѣна — трепетнаго, то есть, чувствующаго сердца пылающимъ огнемъ. Нельзя, однако, не признать, что модулизованный Пушкинымъ пророкъ, не пользующійся лицезрѣніемъ Господа, но одаренный широкимъ пониманіемъ природы и пламеннымъ сердцемъ, довольно близко подходитъ къ представленію о поэтѣ, съ тою разницею, что пророка проникаетъ насквозь воля божества, что, ея полный, онъ обходитъ моря и земли, прожигая сердца людей, а на поэта

исходить иногда, невѣдомо какъ и откуда, въ видѣ вдохновенія тотъ же „божественный гдголь“. Это сближеніе пророка и поэта — и этотъ въ поэтѣ священный характеръ жреца и помазанника вдохновенія — усиливаются постепенно въ Пушкинѣ, но мѣрѣ того, какъ публика постепенно охладѣваетъ къ нему, и какъ она отказывается признавать его своимъ руководителемъ и моральнымъ вождемъ, то есть, по мѣрѣ того, какъ онъ уединяется, уходя въ область чистаго и отвлеченнаго отъ жизни искусства, созидая произведенія весьма красивыя и замѣчательныя по технике и формѣ, но неимѣющія никакого отношенія къ злобѣ дня и потому мало интересующія публику“.

Все это разсужденіе представляется мнѣ нѣсколько неяснымъ. Пророкъ Пушкина — не поэтъ и въ тоже время какъ-будто поэтъ. Удаленіе Пушкина въ область чистаго искусства въ концѣ жизни преувеличено и подъ перомъ г. Спасовича получаетъ односторонній публицистическій характеръ. Пушкинъ къ „злобѣ дня“ относился, какъ истинный художникъ, освобождая ее въ горнилѣ своего творческаго духа отъ узкой личной субъективности. По прежнему „Пророкъ“ остается красивѣйшимъ и глубокомысленнымъ созданіемъ Пушкина.

Со временъ Самуила (около 1000 л. до Р. Х.) начинается тотъ рядъ пророковъ, который съ небольшими перерывами тянется въ продолженіи 700 лѣтъ до Малахіи. Самуилъ основалъ особую школу для пророковъ, въ которыхъ жили подъ руководствомъ старшихъ учителей молодые люди „сыны пророковъ“. Въ этихъ школахъ искусственно развивалось и поддерживалось состояніе восторженности. У евреевъ пророчество было силой, которая глубоко и могущественно вліяла на судьбу народа и на развитіе теократіи. Пророки выходили изъ среды народа, посланные божественному внушенію. Вообще, пророчество не было связано съ сословіемъ или знаніемъ и не нуждалось въ признаніи со стороны государственной власти. Сознавая свое призваніе и свой авторитетъ, пророкъ

былъ голосомъ и посланникомъ Божиимъ, олицетворенною совѣстію народа, смѣлымъ обличителемъ безнравственныхъ и преступныхъ дѣяній. Это былъ руководитель народа и патриотъ въ самомъ благородномъ смыслѣ этого слова. Въ минуту великихъ, рѣшительныхъ событій онъ проповѣдывалъ раскаяніе, предостерегалъ и утѣшалъ, хранилъ законъ, истолковывалъ народу древніе завѣты, образуя собой оппозицію сильнымъ міра, нарушавшимъ законъ. Болѣе всего пророки порицали идолопоклонство и порчу нравовъ. Они возвѣщали божественныя кары и въ трудныя години укрѣпляли сокрушенный духъ народа. Пророки безстрашно вступали въ дворцы, порицали ложную политику, часто терпѣли преслѣдованія и подвергались пыткамъ и казни. Въ царствѣ израильскомъ въ правленіе Ахаба они были совершенно истреблены. Въ пр. Исаіѣ сосредоточилось все, что выработало пророчество до него и что послѣ него проявлялось въ этомъ учрежденіи. Сороеъ семь лѣтъ онъ дѣйствовалъ какъ пророкъ и народный вождь. Вліяніе его на народъ и на царя было велико. Языкъ его отличается большими достоинствами, простотой, ясностью, величіемъ; въ силѣ и гармоніи произведенія его превосходятъ все оставленное пророками. Въ каждой чертѣ у него сказывается благородство помысловъ и чувства, все у него носитъ печать генія и неподдѣльнаго вдохновенія. Содержаніе его поэзіи составляютъ карательныя рѣчи, жалобы на грѣхи народа, грозныя предвѣщанія близкой гибели и ободряющія духъ надежды на лучшее будущее (*Лютцъ*, Сборн. историч. очерковъ I 36, изъ Деллингера и Гуттенштейна).

Въ VI главѣ книги пр. Исаіи находится величественное повѣствованіе о призваніи пророка: „И бысть въ лѣто, въ неже умре Озіа царь, видѣхъ Господа сѣдяща на престолѣ высоцѣ и превознесеннѣ, и исполнь домъ славы его. И Серафимы стояху окрестъ его, шесть криль единому и шесть криль другому и двѣма убо покрываху лица своя, двѣма же покрываху ноги своя и двѣма летаху. И взываху другъ ко другу и глаголаху: святъ, святъ,

святъ Господь Саваоѣ: исполнь вся земля славы его. И взяся наддверіе отъ гласа, имже вопіяху, и домъ наполни дима. И рекохъ: О окаянный азъ, яко умилхся, яко человекъ сый, и нечисты устнѣ имый, посредѣ людей нечистыя устнѣ имущихъ азъ живу: и царя Господа Саваоѣа видѣхъ очима моима. И посланъ бысть ко мнѣ единъ отъ Серафимовъ, и въ руцѣ своей имаще уголь горящъ, его же клещами взять отъ олтаря. И прикоснуса устнамъ моимъ и рече: се прикоснуса сіе устнамъ твоимъ и очиститъ. И слыша гласъ Господа глаголюща: кого пошлю, и кто пойдетъ къ людямъ симъ, и рекохъ: се азъ есмь, послѣ мя. И рече: иди и рци людямъ симъ: слухомъ услышите и не уразумѣете, и видѣще узрите и не увидите. Одебелѣ бо сердце людей сихъ, и ушима своима тяжко слышаша, и очи свои смѣжиша. да не когда узрятъ очима и ушима услышатъ и сердцемъ уразумѣютъ, и обратятся, и исцѣлю ихъ“.

Цитированное мѣсто Библіи получило у Пушкина такое выраженіе:

Духовной жаждою томимъ,
Въ пустынѣ мрачной я влачился,
И шестикрылый серафимъ
На перепутьѣ мнѣ явился;
Перстами легкими, какъ сонъ,
Моихъ зѣницъ коснулся онъ:
Отверзлись вѣщія зѣницы,
Какъ у испуганной орлицы.
Моихъ ушей коснулся онъ,
И ихъ наполнилъ шумъ и звонъ:
И внялъ я неба содроганье,
И горній ангеловъ полеть,
И гадъ морскихъ подводный ходъ,
И дольней лозы прозябанье.
И онъ къ устамъ моимъ приникъ,
И вырвалъ грѣшный мой языкъ,
И празднословный, и лукавый,
И жало мудрыя змѣи

Въ уста замершія мои
 Вложилъ десницею кровавой.
 И онъ мнѣ грудь разсѣкъ мечомъ,
 И сердце трепетное вынулъ,
 И уголь, пылающій огнемъ,
 Въ грудь отверстую водвинулъ.
 Какъ трупъ въ пустынѣ я лежалъ,
 И Бога гласъ ко мнѣ возвалъ:
 Возстань, пророкъ, и виждь, и внемли,
 Исполнись волею моею,
 И обходя моря и земли,
 Глаголомъ жги сердца людей.

Сравнивая „Пророка“ Пушкина съ VI гл. книги пр. Исаи, нельзя назвать „Пророка“ передѣлкой этой главы. Пушкинъ не воспользовался всѣмъ содержаніемъ VI главы, взялъ только часть его и обработалъ его по своему.

Уже по внѣшней формѣ, по языку и изложенію, „Пророкъ“ Пушкина отличается величіемъ, простотой, ясностью. Всѣхъ словъ въ стихотвореніи 132, и между ними нѣтъ ни одного вульгарнаго или грубаго. Пушкинъ удачно воспользовался церковно-славянскими элементами литературнаго языка для выраженія торжественности и величія преобразования, испытаннаго пророкомъ. Церковно-славянскихъ словъ немного, около десяти, и всѣ они, отвѣчая сущности предмета, придавая ему оттѣнокъ величія, вполне понятны и общедоступны. Только слова „шестикрылый серафимъ“ и „вѣщія зѣницы“ могутъ потребовать комментарія въ педагогической практикѣ. Изъ стилистическихъ особенностей стихотворенія заслуживаетъ вниманія частое повтореніе союза и, въ одномъ мѣстѣ 9 разъ, въ другомъ три раза. Это повтореніе, вполне отвѣчающее духу русскаго языка и поэзіи (см. напр. II т. „Прочитаній“ Барсова), придаетъ стихотворенію большую силу и выразительность. Оно встрѣчается и въ другихъ стихотвореніяхъ Пушкина (напр., въ подражаніи корану „И путникъ усталый“), встрѣчается и въ стихотвореніяхъ Лермонтова („Три пальмы“).

„Жаломъ можно только жалить, а не жечь“ говоритъ г. Спасовичъ. Нѣтъ, однако, надобности такъ суживать значеніе и употребленіе словъ въ литературномъ языкѣ. Народъ допускаетъ сходство представленій жало, жалить и жечь; такъ, жалить значитъ язвить, колоть въ приложеніи не только насѣкомыхъ, но и жгучихъ растений. Жало, по Толковому словарю Даля, означаетъ не только кончикъ острія и самое остріе, но также жгучіе волоски растений, напр., крапивы. Въ нѣмецкомъ языкѣ stechen— жалить, колоть и жечь, печь ¹⁾).

Въ стихотвореніи Пушкина есть черта, которая даетъ нѣкоторое понятіе о томъ, каковъ былъ пророкъ до призванія, до преобразования его физической природы. Это былъ человѣкъ празднословный и лукавый. Но голосъ совѣсти въ немъ не замиралъ; отсюда происходило внутреннее недовольство собой, попытки нравственнаго самоусовершенствованія. Трудно, однако, достичь нравственнаго улучшенія среди волненій житейскихъ, въ непрестанно бушующемъ морѣ страстей. Нужно имѣть чуткую совѣсть, сильную непреклонную волю, вообще большую нравственную выдержку, чтобы въ общественной дѣятельности высоко держать знамя правды и добра, чтобы не поддаваться общественнымъ страстямъ, не связать себя узкими партійными цѣпями, не увлечься жестокимъ чувствомъ личнаго раздраженія и не подчиниться соблазнамъ честолюбія и корыстолюбія. Лучшіе люди древности въ трудные моменты удалялись въ пустыню и предавались на время уединенію, чтобы провѣрить свои мнѣнія и убѣжденія, укрѣпить свои духовныя нравственныя силы и очиститься отъ легшихъ на сердца мелкиихъ раздражающихъ заботъ. Въ уединеніи развивалась жажда дѣятельности въ пользу ближнихъ, наступало духовное просвѣтленіе,

¹⁾ Миклопичъ слово жало (съ юсомъ малымъ) считаетъ темнымъ по происхожденію. Даль считаетъ жало въ значеніи змѣйнаго языка позднѣйшимъ и неправильнымъ; однако оно встрѣчается въ древнихъ памятникахъ.

и весь міръ, физическій и нравственный, согрѣтый любовью и очищенный въ глубочайшемъ горнилѣ челоуѣческаго духа, выступалъ въ новомъ свѣтѣ.

Удаленіе въ пустыню самая обычная въ старину форма уединенія, прѣславленная въ живописи и въ литературѣ. Изъ подражанія, иногда изъ духовной потребности, этотъ способъ уединенія воспроизводился въ разныхъ странахъ и у разныхъ народовъ. У русскаго народа сложились даже похвальные духовные стихи пустынь, какъ матери утѣшительницѣ. Въ иносказательномъ смыслѣ пустыней можетъ быть названо всякое уединеніе, содѣйствующее самопознанію.

У Пушкина пустыня названа мрачной, вѣроятно, по мысли о тѣхъ пустыняхъ, въ которыхъ подвизались ветхозавѣтные пророки и христіанскіе аскеты. Пророкъ Пушкина прошелъ тяжелый путь, и его нравственный подвигъ былъ уже завершёнъ, когда ему явился на перепутьѣ ангелъ. Перекрестокъ дорогъ у всѣхъ народовъ пользовался особеннымъ значеніемъ; съ нимъ связаны разныя повѣрья и сказанія. Не даромъ и у Пушкина ангелъ является пророку „на перепутьѣ“. Это было излюбленное мѣсто для духовъ, добрыхъ и злыхъ.

Въ лѣтописяхъ исторіи находится много примѣровъ духовныхъ переломовъ. Для многихъ возстаніе отъ грѣховной смерти есть медленный и долгій процессъ; но другіе переходятъ отъ смерти къ жизни однимъ переломомъ убѣжденія, однимъ сильнымъ порывомъ. Такіе моменты вѣчность сокращаютъ въ часъ и часъ растягиваютъ въ вѣчность.

Возрожденіе пророка Пушкина совершается ровно и послѣдовательно. Не видно, сколько времени оно продолжалось; но видно, какъ оно шло, какъ постепенно расширялись и приспособлялись физическія способности пророка къ новымъ горизонтамъ міропознанія и самопознанія. Сначала преобразуются органы зрѣнія и слуха, дающія наибольшее количество представленій, затѣмъ преобразовываются языкъ и сердце, чтобы дать пророку возмож-

ность выразить и восчувствовать все разнообразіе и всю красоту открывшагося передъ нимъ новаго міра; наконецъ, слѣдуетъ надѣленіе пророка несокрушимой божественной волей, для которой въ дѣлахъ любви и просвѣщенія нѣтъ предѣла и нѣтъ преградъ.

Первый актъ возрожденія выразился въ измѣненіи органа и чувства зрѣнія. Серафимъ перстами легкими, какъ сонъ, коснулся зѣницы пророка; и тогда отверзлись вѣщія его зѣницы, какъ у испуганной орлицы. Пророкъ столь многое увидѣлъ, такъ далеко проникъ его взоръ, что самая зоркая птица орелъ испугался бы такому обилію новыхъ впечатлѣній. Тутъ не можетъ быть ни близорукости, ни дальнорукости, ни ошибочнаго распознаванія цвѣтовъ. Этого мало. Тутъ обнаруживается такая полнота и отчетливость зрѣнія, которая дѣлаетъ лишнимъ телескопъ и микроскопъ. Получается наглядное представленіе о предметахъ неизмѣримо великихъ и неизмѣримо малыхъ. Неудивительно, что зѣницы пророка такъ расширились и стали вѣщими. Слово зѣница встрѣчается въ церковно-славянскихъ памятникахъ изстари въ значеніи зрачка, на примѣръ, въ Святославовомъ Сборникѣ 1073 г.—„зѣница очнѣи его“; въ XVI псалмѣ—„сохрани мя, Господи, яко зѣницу ока“. Слово вѣщій изстари указывало на прозрѣніе, на таинственное знаніе. Въ древности оно усваилось людямъ, стоявшимъ въ непосредственномъ общеніи съ богами, жрецамъ и пѣснотворцамъ. Въ Словѣ о Полку Игоревѣ пѣвецъ стараго времени Баянъ „вѣщце персты“ воскладывалъ на струны своего музыкальнаго инструмента; тамъ же упоминается „вѣща душа“, т. е. прозорливая, впередъ вѣдающая все доброе и злое.

Второй актъ возрожденія состоитъ въ преобразованіи органа и чувства слуха. Серафимъ коснулся ушей пророка, и ихъ наполнилъ шумъ и звонъ; громадная масса звуковъ ворвалась въ нихъ. На первыхъ порахъ пророкъ не можетъ разобратъся въ безконечно разнообразной музыкѣ природы. Онъ слышитъ только шумъ и звонъ;

мало по малу онъ осваивается съ новымъ міромъ звуковыхъ явленій и слышитъ содроганье неба, полеть ангеловъ, ростъ лозы, движеніе рыбъ въ глубинѣ моря. Теперь къ пророку Пушкина можно уже примѣнить слова Баратынскаго въ стихотвореніи на смерть Гете:

Съ природой одною онъ жизнью дышалъ:

Ручья разумѣлъ лепетанье,

И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,

И чувствовалъ травъ прозябанье.

Была ему звѣздная книга ясна,

И съ нимъ говорила морская волна.

Теоретическими размышленіями и экспериментальными изслѣдованіями установлено, что многіе звуки, существующіе въ природѣ, недоступны человѣческому органу слуха. Ему недостаетъ такихъ нервныхъ окончаній, которыя ощущали бы быстрыя колебанія тѣла. Въ то же время есть основанія предполагать, что нѣкоторые низшія животныя, напр., мухи и комары, приспособлены къ ощущенію болѣе высокихъ звуковъ, нежели тѣ, которые доступны нашему уху. Религія, философія и поэзія не признаютъ такой ограниченности человѣческой природы, и въ „Пророкъ“ Пушкина обнаруживается смѣлая попытка ввести самое широкое сочувственное пониманіе явленій природы. И наука въ послѣднее время вступила на путь расширенія нормальныхъ предѣловъ слуха. Какъ микроскопъ увеличиваетъ предметы для глазъ, такъ микрофонъ позволилъ уху воспринять слабые звуки и усилить ихъ.

Третій актъ — замѣна празднословнаго и лукаваго языка жаломъ мудрой змѣи. Эта деталь вызываетъ у критиковъ недоумѣніе. Обыкновенно упускается изъ виду, что въ древности культъ змѣи имѣлъ громадное значеніе; и нынѣ еще живутъ его обломки въ повѣрьяхъ культурныхъ народовъ. Въ міеологіи и символикѣ древнихъ народовъ змѣя играла большую роль, какъ воплощеніе божества. Въ преданіяхъ и сказкахъ она обладаетъ рѣчью. Повѣрье о мудрости змѣи оказалось особенно живучимъ и распространеннымъ, подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ би-

блейскихъ выраженій. Замѣна языка жаломъ обусловлена мыслью, что пророкъ, столь много увидѣвшій и услышавшій, такъ глубоко проникшій въ тайны мірозданія, нуждается въ болѣе совершенномъ органѣ для выраженія своихъ мыслей и чувствъ, чѣмъ языкъ, неоднократно нарушившій истину и погрѣшившій въ празднословіи и лукавствѣ.

Четвертый актъ — замѣна трепетнаго человѣческаго сердца пылающимъ углемъ—обусловлено необходимостью дать пророку силу и страстность убѣжденія. Самый образъ заимствованъ изъ книги прор. Исаи. Пушкинъ сдѣлалъ, однако, здѣсь крупное отступленіе. У пр. Исаи серафимъ прикасается горящимъ углемъ къ устамъ пророка. У Пушкина сердце пророка замѣнено горящимъ углемъ. Дѣйствіе серафима получило оттого совсѣмъ другое значеніе. У пр. Исаи мы имѣемъ дѣло съ широко распространеннымъ повѣрьемъ объ очистительномъ значеніи огня. У Пушкина горящій уголь знаменуетъ лишь усердіе пророка.

Сила и значеніе словъ „исполнись волею моею“ могутъ быть отчасти объяснены слѣдующими замѣчаніями знаменитаго средневѣковаго богослова Бернарда Клервоскаго († 1153) объ отношеніи божественной воли къ волѣ человѣческой: „Мы должны хотѣть существованія только ради Бога, лишь для Его воли, а не ради нашей похоти. О священная и цѣломудренная любовь! О сладостное и пріятное ощущеніе! О чистыя намѣренія воли, тѣмъ болѣе чистыя, чѣмъ менѣе присутствуетъ въ ней наша собственная воля; тѣмъ сладостнѣе, чѣмъ божественнѣе она! Приходить въ такое возбужденіе, значитъ достигать обоготворенія. Какъ малая капля воды, примѣшанная къ большому количеству вина, принимаетъ вкусъ вина, какъ раскаленное желѣзо уподобляется огню, какъ проникнутый солнечнымъ свѣтомъ воздухъ уподобляется яркости солнца, такъ каждое человѣческое чувство поглощается божественной волей и переплавляется въ эту волю“ (*Робертсонъ и Герцогъ*, Исторія христіан. церкви II, 219).

„Пророкъ написанъ въ 1826 году, а въ 1824. за два года ранѣе Пушкинъ сдѣлалъ къ нему подготовительный шагъ въ „Подражаніи корану“. Здѣсь Богъ говоритъ проповѣднику ислама: „Мужайся жъ, презирай обманъ, стезею правды бодро слѣдуй, люби сиротъ и мой Коранъ дрожащей твари проповѣдуй“. Въ самомъ Коранѣ нѣтъ почвы для этого стиха, если не считать общаго изреченія, что „пророкъ обязанъ проповѣдывать“. Очевидно, здѣсь уже скрывается зародышъ Пророка 1826 г.; но зародышъ слабый. Нѣтъ и слѣдовъ физическаго и духовнаго преобразованія пророка. Рѣчь идетъ только о мужественномъ подъемѣ духа, причемъ наряду съ любовью идетъ угроза и даже презрѣніе къ людямъ, въ мусульманскомъ вкусѣ, что особенно ярко выражается въ словахъ: люби сиротъ и мой коранъ дрожащей твари проповѣдуй.

У Пушкина нѣтъ указаній, съ какими глаголами идетъ его пророкъ, что въ нихъ есть жгучаго для сердца. Всякое указаніе поэта внесло бы частную субъективность и придало „Пророку“ личную окраску, что нарушило бы цѣльность и полноту поэтическаго образа. Все содержаніе стихотворенія ясно говоритъ, что глаголь будетъ чистый и высокій, безъ лжи и празднословія. Какъ остороженъ здѣсь оказался Пушкинъ, видно изъ того, что онъ не воспользовался и не воспроизвелъ прекрасныхъ и величественныхъ глаголовъ пр. Исаіи въ пользу вдовъ и сиротъ и противъ внѣшняго лицемернаго благочестія. Исаія говоритъ: „Горе глаголющимъ лукавое доброе и доброе лукавое, полагающимъ тьму свѣтъ и свѣтъ тьму, полагающимъ горькое сладкое и сладкое горькое. Горе, иже мудри въ себѣ самихъ и предъ собою разумни“ (гл. 5, в). Исаія требовалъ практической добродѣтели: „Научитесь добро творити, взыщите суда, избавите обидимаго, судите сиру, и оправдате вдовицу“ (гл. 1, иі), и все это говорилось противъ лицемерія и ханжества: „Что ми множество жертвъ вашихъ, глаголетъ Господь; исполненъ есмь всеожженій овнихъ, и туа и агнцовъ и крови юнцовъ и ко-

вловъ не хочу; ...поста, и праздности, и новомѣсячій вашихъ, и праздниковъ вашихъ ненавидитъ душа моя: бысте ми въ сытость; ктому не стерплю грѣховъ вашихъ“ (ib., ді).

Сущность и сила такого произведенія, какъ „Пророкъ“ Пушкина состоитъ не въ томъ, что разумѣлъ подъ нимъ авторъ, а въ глубинѣ образа, въ неисчерпаемомъ возможномъ его содержаніи, въ такой полнотѣ, которая охватываетъ вѣка и народы.

Въ основѣ „Пророка“ лежитъ вѣчно привлекательная идея о прогрессѣ человечества по усиліямъ умственныхъ и нравственныхъ геніевъ. Идея эта основывается на непреложныхъ данныхъ исторіи. Время отъ времени появляются люди, которые стоятъ къ нравственному состоянію своего вѣка въ томъ же отношеніи, въ какомъ геніальные люди стоятъ къ его умственному состоянію. Они предвосхищаютъ нравственныя стремленія позднѣйшихъ временъ, распространяютъ и укрѣпляютъ чувство безкорыстной добродѣтели, внушаютъ обязанности и побужденія, которыя большинству людей кажутся совершенно химерическими. Взятіе такихъ нравственныхъ геніевъ, могущественное и благотворное, дѣйствуетъ на современниковъ и ближайшее потомство. Когда съ теченіемъ времени энтузіазмъ ослабѣваетъ, и грубый эгоизмъ начинаетъ разрастаться, тогда выходятъ новые сѣятели добра и жгучими глаголами очищаютъ огрубѣлыя сердца.

Историческими комментаріями къ „Пророку“ могутъ служить всѣ великіе дѣятели въ глубочайшихъ и благороднѣйшихъ сферахъ духа, въ религіи, въ наукѣ, въ искусствѣ, въ общественной дѣятельности, тѣ дѣятели, которыхъ томила духовная жажда, которые выдержали тяжелый процессъ нравственнаго перерожденія, выработали въ своей душѣ несокрушимую любовь къ истинѣ, правдѣ и добру, слово которыхъ стало живымъ глаголомъ. Но нѣтъ, кажется, болѣе величественнаго историческаго воплощенія того идеала пророка, какой вылился въ стихотвореніи Пушкина, какъ жизнь и дѣятельность св. апо-

стола Павла. Савла томила духовная жажда. Блескъ славы засіялъ надъ нимъ въ пустынь. Онъ былъ повергнутъ на землю, какъ пророкъ Пушкина, и оставался въ такомъ положеніи, пока Божій глаголъ не повелѣлъ ему встать, и тогда онъ всталъ просвѣтленнымъ Павломъ. Онъ услышалъ въ свѣтѣ повелѣніе: „Встань и иди въ городъ и сказано будетъ тебѣ, что тебѣ надобно дѣлать“. Съ этого времени обнаружались великія духовныя силы у апостола народовъ, и онъ безповоротно пошелъ по указанному ему пути, обходя моря и земли и просвѣщая сердца народовъ свѣтомъ христіанскаго ученія. „Вѣра его никогда не колебалась среди жесточайшихъ испытаній, и его надежда не отуманивалась среди самыхъ горькихъ разочарованій“ (*Фарраръ*, Жизнь св. ап. Павла 804).

Во всякомъ случаѣ самое широкое чувство доброжелательства и любви, какъ благодати Божіей, должно служить исходнымъ пунктомъ при оцѣнкѣ пушкинскаго Пророка. Пророкъ Пушкина въ любви своей обнимаетъ весь міръ—

И въ полѣ каждую былинку

И въ небѣ каждую звѣзду,

душу свою сливаетъ съ высшими интересами человечества, въ свои объятія заключаетъ и друзей, и враговъ, ставитъ свои вѣщія глаголы на стражѣ „убогихъ, нищихъ“, и укрѣпляетъ въ нихъ свѣтлую надежду, что „святая правда на землю прилетитъ“.

Вообще, въ основѣ пушкинскаго „Пророка“ лежитъ чистое, здоровое и жизнерадостное настроеніе. Существованіе такого стихотворенія въ русской литературѣ имѣетъ важное воспитательное значеніе. Оно въ нѣкоторой степени можетъ служить противовѣсомъ тому мрачному и удручающему пессимистическому настроенію, которое охватываетъ не только отдѣльныя личности, но полосами находитъ на цѣлмя теченія народной мысли и, какъ туча, наводитъ унылую тѣнь на колосистую ниву человѣческаго труда и цивилизаціи, что выражается, между прочимъ, и въ великорусской народной поэзіи, въ особенности въ

раскольнической и сектантской литературѣ, и въ мало-русской словесности, напр., въ весьма популярной пѣснѣ „Нема въ свити правды, правды не зискаты“. Въ „Пророкѣ“ правда предполагается уже существующей, и для проповѣди ея создается дѣятель. Дорожа здоровымъ воспитаніемъ людей, нужно устранять все ноющее, хныкающее. Но если приступить къ такой очисткѣ, то въ нашей литературѣ останется мало произведеній, такъ какъ нынѣмъ заражена добрая ея половина. Жизнь прожить—не поле пройти; требуется много труда, энергіи, бодрости духа и свѣжести нравственнаго чувства. Пушкинъ даетъ намъ въ своемъ „Пророкѣ“ положительный типъ, и въ этомъ отношеніи его „Пророкъ“ стоитъ неизмѣримо выше лермонтовскаго „Пророка“, разочарованнаго, байроническаго. Пусть люди не велики; но великъ міръ, велико человечество, и самъ милостивый Богъ выдвигаетъ великихъ дѣятелей, надѣляя ихъ благодатью любви, силой знанія, несокрушимой волей и даромъ могучаго и огненнаго слова.

И къ пальмѣ пустынной онъ бѣгъ устремилъ,
И жадно холодной струей освѣжилъ
Горѣвшіе тяжко языкъ и зѣницы,
И легъ, и заснулъ онъ близъ вѣрной ослицы.
И многіе годы надъ нимъ протекли,
По волѣ владыки небесъ и земли.
Насталъ пробужденья для путника часъ;

Встаетъ онъ и слышитъ невѣдомый гласъ:
„Давно ли въ пустынѣ заснулъ ты глубоко?“
И онъ отвѣчаетъ: — ужъ солнце высоко
На утреннемъ небѣ сіяло вчера;
Съ утра я глубоко проспалъ до утра.—

Но голосъ: „о путникъ, ты долѣ спалъ;
Взгляни: легъ ты молодъ, а старцемъ возсталъ;
Ужъ пальма истлѣла, а кладезь холодный
Изякъ и засохнулъ въ пустынѣ безводной,
Давно занесенной песками степей;
И кости бѣлѣютъ ослицы твоей“.

И горемъ объятый мгновенный старикъ,
Рыдая, дрожащей главою поникъ . . .
И чудо въ пустынѣ тогда совершилось —
Минувшее въ новой красѣ оживилось:
Вновь зыблется пальма тѣнистой главою;
Вновь кладезь наполненъ прохладой и мглой.

И ветхія кости ослицы встаютъ,
И тѣломъ одѣлись, и ревъ издаютъ;
И чувствуетъ путникъ и силу, и радость;
Въ крови заиграла воскресшая младость;
Святые восторги наполнили грудь,
И съ Богомъ онъ далѣ пускается въ путь.

Прежде чѣмъ перейти къ основной фабулѣ стихотворенія, къ разбору его въ цѣломъ и частяхъ, мы здѣсь отмѣтимъ, что подъ прямымъ вліяніемъ этого стихотворенія Лермонтовъ написалъ черезъ 15 лѣтъ „Три пальмы“. Литературная связь и внутреннее родство этихъ двухъ стихотвореній такъ велики, что безъ преувеличенія

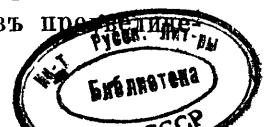
II.

„И путникъ усталый . . .“

(Подражаніе Корану).

По словамъ Бѣлинскаго, девять стихотвореній, извѣстныхъ подъ общимъ заглавіемъ „Подражаніе Корану“, представляютъ блестящій алмазъ въ поэтическомъ вѣнцѣ Пушкина. Эта высокая общая оцѣнка повторялась потомъ другими выдающимися критиками, напр., Стреховымъ. Но въ ряду этихъ девяти стихотвореній по полнотѣ содержанія, объему и простотѣ особенно выдается послѣднее, девятое — „И путникъ усталый на Бога ропталъ“. Въ поэзіи А. С. Пушкина есть два прекрасныхъ перла на величественные мотивы восточной поэзіи—„Пророкъ“ (изъ Кн. пр. Исаи) и „Путникъ усталый“ (изъ Корана). Въ томъ и другомъ стихотвореніи высокая поэзія соединена съ высокимъ гуманизмомъ. „Подражанія Корану“ написаны въ 1824 г.

И путникъ усталый на Бога ропталъ,
Онъ жаждой томился и тѣни алкалъ.
Въ пустынѣ блуждая три дня и три ночи,
И зноемъ и пылью тягчимыя очи
Съ тоской безнадежной водилъ онъ вокругъ,
И кладезь подъ пальмою видитъ онъ вдругъ.

нія можно утверждать, что не будь пушкинскаго стихотворенія „И путникъ усталый“ не было бы и „Трехъ пальмъ“ Лермонтова. Прежде всего и Лермонтовъ называлъ свое стихотвореніе „восточнымъ сказаніемъ“, что даетъ поводъ думать, что онъ самъ сознавалъ зависимость основнаго сюжета „Трехъ пальмъ“ отъ пушкинскаго подражанія Корану. Далѣе, при сравненіи стихотвореній, обнаруживается между ними большое сходство, доходящее мѣстами до тождественности образовъ и даже выраженій. Размѣръ одинаковый.

Въ песчаныхъ степяхъ Аравійской земли
Три гордыя пальмы высоко росли.
Родникъ между ними изъ почвы безплодной,
Журча, пробивался волною холодной,
Хранимый подъ сѣнью зеленыхъ листовъ
Отъ знойныхъ лучей и летучихъ песковъ.

И многіе годы неслышно прошли;
Но странникъ усталый изъ чуждой земли
Пылающей грудью ко влагѣ студеной
Еще не склонялся подъ кущей зеленой,
И стали ужъ сохнуть отъ знойныхъ лучей
Роскошные листья и звучный ручей.

И стали три пальмы на Бога роптать:
„На то ль мы родились, чтобъ здѣсь увядать?
Безъ пользы въ пустынь росли и цвѣли мы,
Колеблемы вѣтромъ и зноемъ палимы,
Ни чей благосклонный не радуя взоръ . . .
Не правъ твой, о небо, святой приговоръ! . . .“

И только замолели — въ дали голубой
Столбомъ ужъ крутился песокъ золотой,
Звонковъ раздавались нестройные звуки,
Пестрѣли коврами покрытые вьюки,
И шелъ, колыхаясь, какъ въ морѣ челнокъ,
Верблюды за верблюдомъ, взрывая песокъ.

Мотаясь, висѣли межъ твердыхъ горбовъ,
Узорныя поля походныхъ шатровъ;
Ихъ смуглыя ручки порой подымали
И черныя очи оттуда сверкали . . .
И станъ худощавый къ лузѣ наклоня,
Арабъ горячилъ вороного коня.

И конь на дыбы подымался порой
И прыгалъ, какъ барсъ пораженный стрѣлой;
И бѣлой одежды красивыя складки
По плечамъ фариса вились въ беспорядкѣ;
И съ крикомъ, и съ свистомъ несясь по песку,
Бросалъ и ловилъ онъ копьё на скаку.

Вотъ къ пальмамъ подходитъ, шума, караванъ,
Въ тѣни ихъ веселый раскинулся станъ.
Кувшины, звуча, налилися водою,
И гордо кивая махровой главою,
Привѣтствуютъ пальмы нежданныхъ гостей,
И щедро поить ихъ студеный ручей.

Но только-что сумракъ на землю упалъ,
По кормамъ упругимъ топоръ застучалъ,—
И пали безъ жизни питомцы столѣтій!
Одежду ихъ сорвали малыя дѣти,
Изрублены были тѣла ихъ потомъ,
И медленно жгли ихъ до утра огнемъ.

Когда же на западъ умчался туманъ,
Урочный свой путь совершалъ караванъ.
И слѣдомъ печальнымъ на почвѣ безплодной
Виднѣлся лишь пепелъ сѣдой и холодный;
И солнце остатки сухіе дожгло,
А вѣтромъ ихъ въ степи потомъ разнесло.

И нынѣ все дико и пусто кругомъ—
Не шепчутся листья съ гремучимъ влючемъ,
Напрасно пророка о тѣни онъ просить,—

Его лишь песокъ раскаленный заносить,
 Да коршунъ хохлатый, степной нелюдимъ,
 Добычу терзаетъ и щиплетъ надъ нимъ.

„Три пальмы“ написаны какъ-бы въ дополненіе къ сти-
 ху Пушкина:

Ужъ пальма истлѣла, а кладезь холодный
 Изсякъ и засохнулъ въ пустынь безводной,
 Давно занесенный песками степей . . .

Прекрасная картина каравана въ пустынь создана всецѣло Лермонтовымъ; но рамка для этой картины (пальмы, ручей и пр.) взяты у Пушкина, мѣстами даже въ мелочахъ. Такъ, у Пушкина: „И многіе годы надъ нимъ протекли“; у Лермонтова: „И многіе годы неслышно прошли“. У Пушкина: „И путникъ усталый на Бога ропталъ“; у Лермонтова: „И стали три пальмы на Бога роптать“. У Пушкина: „Вновь зыблется пальма тѣнистой главой“; у Лермонтова: „И гордо кивая махровой главой привѣтствуютъ пальмы нежданныхъ гостей“. Въ наши цѣли не входитъ подробный разборъ стихотворенія „Три пальмы“. Оно здѣсь интересуетъ насъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой оно зависитъ отъ пушкинскаго подражанія Корану. При всемъ томъ, мы не можемъ обойтись безъ сравненія этихъ стихотвореній не только по литературной формѣ ихъ, но и по основной идеѣ, по выраженнымъ въ нихъ нравственнымъ принципамъ и ихъ гуманистической цѣнности. При такомъ сравненіи стихотвореніе Пушкина выигрываетъ чрезвычайно много. Пушкинъ былъ глубокой гуманистъ, и потому въ его стихотвореніяхъ Ормуздъ всегда беретъ верхъ надъ Ариманомъ, Правда надъ Кривдой, начало добра, любви, милосердія надъ началомъ зла, вражды и человѣконенавистничества. Путникъ ропотомъ на Бога навлекаетъ на себя гнѣвъ Божій; но этотъ гнѣвъ разряжается высокимъ актомъ прощенія, милосердія и любви, и все возрождается къ жизни и радости, въ новой красѣ; во крови путника заиграла воскресшая младость и святые вос-

торги наполнили его грудь. У Лермонтова торжествуетъ смерть и разрушеніе. Мрачный поэтъ здѣсь настолько подчинился тлетворному вліянію духа зла, что погрѣшилъ даже противъ истины. По свидѣтельству многихъ путешественниковъ восточный человѣкъ дорожитъ всякимъ воднымъ источникомъ, бережетъ его, охраняетъ окружающую его растительность. Трудно допустить, чтобы у жителей пустыни при мирномъ движеніи каравана обнаружился такой вандализмъ, какъ уничтоженіе трехъ пальмъ оазиса, и если даже такіе случаи и могутъ быть изрѣдка, то они противны морали даже восточнаго человѣка и не заслуживаютъ поэтическаго обобщенія, какъ преступное явленіе, противное элементарному народному чувству добра. Здѣсь люди являются палачами; роль ихъ могла бы разыграть буря, молнія, какъ орудіе наказанія пальмъ за ихъ гордость и ропоть. Но почему страдаетъ ручей? почему „напрасно пророка о тѣни онъ просить“? Онъ смиренно и безъ ропота исполнялъ въ пустынь свою благодѣтельную миссію.

Прекрасная картина каравана въ пустынь подкупаетъ читателя стихотворенія „Три пальмы“ и скрываетъ отъ него моральную, а вмѣстѣ съ тѣмъ и педагогическую несостоятельность стихотворенія. Если выбросить картину движущагося въ степи каравана — останется одно описаніе ропота пальмъ и послѣдовавшей затѣмъ гибели ихъ отъ руки перваго проходимца, бессмысленное и жестокое убійство, лишь слегка скрашенное жалостью поэта къ жертвамъ человѣческой негодарности. Въ основаніи стихотворенія „Три пальмы“ лежитъ непривлекательная пессимистическая идея; и здѣсь, какъ во многихъ другихъ стихотвореніяхъ, Лермонтовъ является мизантропомъ. На мой взглядъ только невыработанностью педагогическихъ приемовъ въ выборѣ и чтеніи русскихъ классическихъ произведеній можно объяснить, что „Три пальмы“ фигурируютъ во всѣхъ христоматіяхъ и считаются почему то вполне пригоднымъ въ педагогическомъ отношеніи стихотвореніемъ,

въ то время какъ „Путникъ усталый“ не находитъ мѣста ни въ христоматіяхъ, ни въ педагогической практикѣ — стихотвореніе, гдѣ поэзія говоритъ самымъ высокимъ языкомъ гуманности.

Степень самостоятельности Пушкина въ подражаніи Корану весьма велика; заимствована основная фабула; но ей придано другое нравственное освѣщеніе и другія подробности. Въ Коранѣ (II кн. 261 ст.) находится такое мѣсто: „Не воспоминается ли вамъ тотъ путешественникъ, который проходя подлѣ города, погребеннаго подъ развалинами, сказалъ: Какъ Богъ оживить жителей этого разрушеннаго города? Богъ повелѣлъ ему умереть, и онъ оставался въ этомъ положеніи сто лѣтъ; потомъ онъ воскресилъ его и спросилъ: Сколько времени пребывалъ ты здѣсь? — День или нѣсколько часовъ отвѣчалъ путешественникъ. — Посмотри на пищу и питье твое, прибавилъ Богъ; они еще въ цѣлости. Взгляни на осла твоего. Мы произвели это чудо, дабы примѣръ твой наставилъ людей.— Посмотри, какъ мы соберемъ и покроемъ тѣломъ кости осла твоего. При видѣ чуда путешественникъ воскликнулъ: „Теперь я знаю — могущество Бога безконечно“. Въ древнемъ комментаріи объяснено, что путникъ этотъ Озаиръ. Верхомъ на ослѣ съ корзиною фигъ и сосудомъ вина въ рукахъ проѣзжалъ онъ близъ развалинъ Иерусалима, разрушеннаго халдеями. Нечестиво усомнившись во всемогуществѣ Бога, онъ былъ за то наказанъ смертію. Черезъ сто лѣтъ Богъ воскресилъ его и указалъ ему его пищу и питье, сохранившіяся отъ дѣйствія времени. Затѣмъ онъ указалъ на кости его осла, бѣлѣвшія на землѣ. По голосу Всемогущаго онѣ покрылись тѣломъ и соединились, и животное, возвращенное къ жизни, начало реветъ (Сочин. Пушкина въ изд. *Полливанова* II, 142—143).

Сравненіе стихотворенія Пушкина съ приведеннымъ мѣстомъ Корана указываетъ на истинно гениальную постройку изъ бѣднаго матеріала. Въ Коранѣ проведена только идея о всемогуществѣ Бога. У Пушкина это все-

могущество лишь подразумевается и на первый планъ выдвинута идея о благодати и любви. Путникъ не умираетъ, какъ въ Коранѣ, а засыпаетъ, что гораздо болѣе отвѣчаетъ художественному чувству, чѣмъ умираніе, какъ это будетъ разъяснено на ближайшихъ страницахъ при обзорѣ вариантовъ легенды, проникшей въ Коранъ. Въ сто ста лѣтъ въ текстѣ Корана у Пушкина „многіе годы“, что даетъ просторъ для воображенія читателя, не заключая его въ опредѣленные хронологическія рамки. Фабула стихотворенія построена не на сомнѣніи путника о всемогуществѣ Божиемъ, сомнѣніи ничѣмъ не мотивированномъ въ Коранѣ, гдѣ оно является какимъ-то нелѣпнымъ капризомъ празднои фантазіи путника, а на ропотѣ на Бога въ слѣдствіе удручающей путника въ пустынѣ жажды. Тутъ разворачивается цѣлая картина жгучей пустыни и одинокаго путника. Далѣе у Пушкина нѣтъ и помину о пищѣ и питьѣ до и послѣ замиранія или сна путника. Эта деталь не имѣла значенія для Пушкина по своей мелочности; по своему матеріальному характеру она была бы въ ущербъ общаго возвышеннаго тона стихотворенія и была бы лишней при существованіи прекрасныхъ подробностей, взятыхъ изъ жизни пустыни (пальма, кладезь).

Легенда объ Озаирѣ представляетъ искаженіе широко распространеннаго сказанія о продолжительномъ снѣ. Гениальная прозорливость Пушкина необыкновенно ярко выразилась въ томъ, что Пушкинъ въ своемъ „подражаніи“ возстановилъ основной типъ сказанія.

Сказаніе о продолжительномъ снѣ существовало задолго до Корана и послѣ Корана, бытовало не только у арабовъ, но и у многихъ другихъ народовъ, встрѣчается и нынѣ въ Азіи и Европѣ, весьма популярно въ Россіи—во всѣхъ ея частяхъ, проникло во многіе литературные памятники. Сказаніе о продолжительномъ снѣ или о пребываніи челоуѣка въ раю 3 года, 200, 300 лѣтъ, которыя показались за три года, три дня — это сказаніе входитъ во многія легенды о земномъ раѣ,

о чемъ см. спеціальное изслѣдованіе *Graf'a, La leggenda del Paradiso Terrestre*. Я здѣсь не буду останавливаться на легендахъ о земномъ раѣ, чтобы не отвлекаться далеко въ сторону, и приведу вкратцѣ лишь сказанія о чудесномъ снѣ или о монахѣ и пѣвнѣ райской птицы.

Коранъ возникъ въ VII вѣкѣ. Въ другомъ болѣе древнемъ религіозномъ памятникѣ семитовъ — *Талмудѣ*, возникшемъ въ началѣ III вѣка, Гамагель засыпаетъ у только-что посаженнаго имъ дерева; когда онъ проснулся, то увидѣлъ, что человѣкъ снимаетъ съ дерева плоды; онъ проспалъ 70 лѣтъ (*Zeitschr. d. Vereins f. Volkskunde* 1892, III, 299; *Gust. Meyer, Essays und Studien*, 284).

По свидѣтельству Діогена Лаертскаго и Плинія въ классическомъ мірѣ сказаніе о чудесномъ снѣ было связано съ Эпименидомъ, самое имя котораго обусловлено этимъ сказаніемъ — отъ сл. *επιμεινω* (долго нахожусь въ одномъ мѣстѣ). Въ *древнемъ греческомъ* сказаніи Эпименидъ, пастухъ на о. Критѣ, разыскивая потерянную овцу, вошелъ въ пещеру, заснулъ и проспалъ въ ней 57 лѣтъ. Онъ едва былъ узнавъ своимъ младшимъ братомъ старикомъ. Всѣ сочли его за любимца боговъ. Въ жертву Эпимениду приносили оливковую вѣтвь. Эпименидъ второобразъ древняго классическаго добраго пастыря Гермеса Кріофороса съ агнцемъ на плечахъ (*Nork, Real Vörterbuch* I, 464).

Въ священной книгѣ Иранцевъ *Авестѣ* находимъ одинъ крупный мотивъ сказаній о чудесномъ снѣ—райскую птицу. Во второй части Авесты Вендидатъ Има (Іемъ, Джемъ, Джемшидъ), первый человѣкъ, повинувшійся Ормузду, дѣлается покровителемъ и кормильцемъ міровъ (Има первоначально солнечное божество); когда наступила зима, Има собралъ лучшихъ животныхъ въ саду (=раю), гдѣ нѣтъ ни бѣдности, ни обмана, ни болѣзней, ничего дурнаго, что сдѣлалъ Ариманъ. Тамъ свѣтитъ свой свѣтъ, годъ считается за день, а птица Кар-

шипта научаетъ населеніе священному закону. Въ Минокеридѣ этотъ садъ (варъ) находится подъ землей, а въ Бундегешѣ подъ горой Демканъ (*Кузьмичевскій*, въ *Кіев. Стар.* 1887, VIII, 700—701).

Въ древней *индійской литературѣ* рассказъ о чудесномъ снѣ былъ также извѣстенъ. Въ Вишну-Пурана находится такой рассказъ: Царь Раявата съ дочерью пришелъ къ Брамѣ посовѣтоваться относительно бракосочетанія дочери. Онъ услышалъ въ залѣ пѣніе, подождалъ, пока оно кончилось и тогда обратился къ Брамѣ. Последній спросилъ о имени жениха и, когда Раявата сказалъ, Брама со смѣхомъ замѣтилъ ему, что не только женихъ, но двадцать поколѣній сошли въ могилу, пока Раявата слушалъ райскую пѣсню. Въ Брама—Пурана мужчина проводитъ съ женщиной волшебницей 900 лѣтъ, считая ихъ за одинъ день. Подобные рассказы находятся еще въ Сакунталѣ и Рамаянѣ (*Hertz, Deutsche Sage*, 272—273).

Въ *Кутанѣ* рассказъ о чудесномъ снѣ передается въ такой формѣ: Въ царствованіе Минг-ти (58—75 по Р. Хр.) два юноши, съѣвши плодъ одного дерева, получили легкость, вошли въ связь съ двумя богинями и жили съ ними въ одной горной пещерѣ. Когда они пожелали возвратиться домой, ихъ съ музыкой вывели изъ пещеры. На землѣ за то время прошло семь поколѣній. Юноши хотѣли возвратиться въ пещеру; но дороги не нашли. Въ XIV в. эта сказка была передѣлана въ драму: Плотникъ живетъ годъ съ богиней, и этотъ годъ называется столѣтіемъ. Драма оканчивается апотеозой героя (*ib.* 273).

Въ первые вѣки христіанства сказаніе о чудесномъ снѣ вошло въ христіанскія легенды; одной изъ самыхъ раннихъ по времени легендъ этого рода представляется сказаніе о семи спящихъ юношахъ, широко распространенное между христіанами и магометанами. Эта легенда въ древности связана была съ г. Эфесомъ, приурочивали ее, между прочимъ, къ Нахичевани на Кавказѣ. Уже въ на-

чалъ VI в. по Р. Хр. (520—530 гг.) Θεοδοσίη писалъ „In provincia Asia civitas Ephesus, ubi sunt septem fratres dormientes“. Содержаніе легенды состоитъ въ томъ, что при императорѣ Деціѣ во время гоненія христіанъ семь знатныхъ юношей заснули въ пещерѣ горы Анхіала и проснулись черезъ нѣсколько вѣковъ въ царствованіе Θεοδοσία II. Они поклонились императору и заснули сномъ смерти. Подробное изслѣдованіе объ этой легендѣ—*Коха* „Die Siebenschläferlegende, ihr Ursprung und ihre Verbreitung“ 1883 г.; рецензія акад. А. Н. Веселовскаго въ ССХХ т. Журн. Мин. Нар. Просв. 1883 ноябрь. Во II главѣ сочиненія Коха собрано много указаній на распространенныя представленія о продолжительномъ, вѣковомъ, волшебномъ снѣ. Кохъ въ сказаніи о семи спящихъ юношахъ усматриваетъ остатокъ культа Реи-Кибелы и Кабировъ; но при этомъ не отрицаетъ возможности, что въ основу сказанія легъ историческій фактъ изъ эпохи гоненія христіанъ, причемъ успеніе (смерть) принято за сонъ. А. Н. Веселовскій предпочитаетъ послѣднее объясненіе. Для насъ важно здѣсь лишь древнѣйшее христіанское проявленіе—хотя еще на азиатской почвѣ — легенды о чудесномъ снѣ.

Въ старинной легендарной литературѣ, въ повѣстяхъ и въ проповѣдяхъ мотивъ о чудесномъ снѣ монаха и райской птицѣ часто встрѣчается. Въ *Promptuarium exemplorum Мартына Поляка* начала XIII в. находится такой рассказъ: монахъ проситъ Бога показать ему райскія блаженства. Вдругъ сладко зашѣла маленькая птичка (*parva avicula*), и монахъ незамѣтно прослушалъ ее 345 лѣтъ. Когда онъ возвратился въ монастырь, онъ видитъ все новое; его никто не узналъ, и только изъ распросовъ аббата разъяснилось чудо. Этотъ рассказъ повторяется съ небольшими измѣненіями въ памятникахъ XIV ст.—въ *Великомъ Зерцалѣ* (монахъ возвращается изъ рая черезъ 300 лѣтъ), въ *Summa praedicatorum Бромьярда* (поющая птица — ангель; монахъ въ саду слушаетъ ее 300 лѣтъ), въ *Sermones Герольта*

(птица—ангель; монахъ возвращается въ монастырь черезъ 340 лѣтъ); въ *Secunda Pars Rosarii Бернардена де Бусти*; въ сборникѣ проповѣдей *Пельбарта*, въ средне-нѣмецкомъ духовномъ стихѣ *Felix im Paradise* XIII в. (маленькая птичка поетъ и монахъ Феликсъ возвращается въ монастырь черезъ 100 лѣтъ), у *Филиарта, Бебеля, Раутера*, въ нѣсколько измѣненной формѣ въ романѣ *объ Ожье Датскомъ* (Ожье проводитъ много лѣтъ въ царствѣ фѣй, забывъ о землѣ) и почти то же въ шотландскихъ *балладахъ* о Томѣ Раймерѣ (*Hertz, Deutsche Sage in Elsass* 264—268; *Владимировъ*, *Великое Зерцало*, 24, 103; *Child, The engl. and scottish popul. ballads* II, 321).

Рассказъ о чудесномъ снѣ и въ настоящее время сохраняетъ большую популярность, вращается у разныхъ народовъ и по временамъ всплываетъ на литературной поверхности въ видѣ повѣсти, драмы или оперетки. Въ Германіи рассказъ этотъ встрѣчается большею частью въ мѣстномъ приуроченіи къ Кифгейзеру или къ другимъ гористымъ мѣстамъ. Пастухъ проводитъ внутри горы въ саду семь дней, которые вышли въ 7 лѣтъ. Дѣвушка проводитъ ночь въ горѣ, и оказалось, что она прожила здѣсь годъ, и др. въ томъ же родѣ. Въ Швеціи существуютъ рассказы о томъ, какъ дѣвы-эльфы уводили отъ невѣстъ жениховъ, причемъ проведенный среди нихъ часъ времени выходилъ въ 40 лѣтъ. И въ шведскихъ сказкахъ промедленіе бываетъ въ горѣ. Сходные рассказы записаны въ Шотландіи, Тироли, проскальзываютъ въ новогреческихъ пѣсняхъ (*Hertz, 270—271; Meyer, 286*).

Въ Великороссіи и Малороссіи легенда о чудесномъ снѣ хорошо извѣстна, и я самъ неоднократно слышалъ ее изъ народныхъ устъ. По какой то странной случайности она почти совсѣмъ неизвѣстна по печатнымъ сборникамъ легендъ и сказокъ. Проф. Владимировъ упоминаетъ сказку „о райской птицѣ“ въ сборникѣ Чудинскаго, замѣчая при этомъ, что самой книжки Чудинска-

го у него не было подъ руками (Великое Зерцало, 103), и я также совсѣмъ не знакомъ со сборникомъ Чудинскаго. Что легенда сильно распространена въ Россіи, можно судить по ея литературнымъ обработкамъ. Князь В. Ѳ. Одоевскій написалъ на эту тему повѣсть „Необойденный домъ“, причемъ основной сюжетъ подвергся значительной передѣлкѣ. Близкую передачу легенды представляетъ неизданный въ печати рассказъ малорусскаго писателя В. С. Александра: здѣсь также монахъ очарованъ пѣніемъ птички и, возвратившись въ монастырь черезъ много лѣтъ, находитъ все въ измѣненномъ видѣ.

Въ наши цѣли не входитъ подробное изученіе легенды о чудесномъ снѣ, сравненіе ея мотивовъ, какъ они проявляются въ разныхъ вариантахъ и для насъ не обязательно здѣсь входить въ гаданія о происхожденіи легенды и путяхъ ея распространенія. Возвращаясь къ стихотворенію Пушкина „И путникъ усталый“, мы видимъ, что все самое существенное Пушкинымъ удержано и все второстепенное и загадочное отброшено или обойдено. Въ легендахъ о чудесномъ снѣ героемъ является большею частью монахъ — подъ вліяніемъ средневѣковыхъ литературныхъ памятниковъ, у древнихъ народовъ царь, путешественникъ, пастухъ; у новыхъ, не считая монаха, пастухъ, женихъ въ день свадьбы, рыцарь; очарованіе происходитъ отъ пѣнія птицы, которая называется иногда прямо райской или считается зооморфическимъ образомъ ангела; мѣсто дѣйствія большею частью пещера въ горѣ, иногда лѣсъ, садъ, подъ которымъ подразумевается большею частью рай; возвращеніе происходитъ черезъ 7, 40, 100, 300, 340 лѣтъ. Очарованіе большею частью немотивировано; встрѣчающаяся изрѣдка мотивировка различна и произвольна: желаніе (монаха) извѣдать райскія блаженства или желаніе (жениха) узнать, что будетъ черезъ сто лѣтъ, ропотъ на Бога и сомнѣніе въ Его всемогуществѣ.

У Пушкина дѣйствующимъ лицомъ является не монахъ, не пастухъ, не царь — а путникъ (какъ въ Ко-

равѣ), человекъ, страдающій въ пустынѣ отъ жажды, въ какомъ положеніи можетъ очутиться всякій путешественникъ въ пустынѣ.

Сонъ-смерть путника и окружающей его обстановки мотивированы ясно и отчетливо, и все стихотвореніе, какъ въ рамкѣ, укладывается въ этой мотивировкѣ: „И путникъ усталый на Бога ропталъ“ — таковъ первый стихъ, и когда все чудесное (смерть и возрожденіе) съ нимъ совершилось — „И съ Богомъ онъ далъ пускается въ путь“ — таковъ послѣдній стихъ, — верхъ полноты, простоты и законченности.

У Пушкина нѣтъ ни горы, ни сада, ни райской птички — все дѣйствіе начинается и заканчивается въ пустынѣ у подножія пальмы — что придаетъ стихотворенію поистинѣ художественную простоту и цѣльность.

Громадная разница въ окончаніи рассказа: Въ легендахъ проснувшійся вскорѣ умираетъ; его кратковременное возвращеніе къ жизни связано съ сознаниемъ невозвратной потери всего близкаго, роднаго и дорогаго. У Пушкина возродившійся къ новой жизни путникъ съ радостью отправляется далѣе въ путь... не только въ путь — дорогу, но и въ путь жизни, и нѣтъ ни малѣйшаго намека на предстоящую ему впоследствии кончину.

Все до сихъ поръ нами сказанное говоритъ одновременно о высокомъ педагогическомъ достоинствѣ стихотворенія „И путникъ усталый“.

Фабула, можно сказать, міровая и если она пришла по душѣ людямъ разныхъ вѣковъ и разныхъ племенъ, то, значить, въ ней есть нѣчто такое, что удовлетворяетъ запросамъ духа, добра, истины, и, нельзя отрицать, что такая фабула найдетъ откликъ въ душѣ учащейся молодежи.

Основная идея — идея о всемогуществѣ, всеблагости и любви Бога. Такая идея поднялась выше мусульманской морали, и въ томъ видѣ, какъ она выражена въ сти-

хотвореніи Пушкина, она нераздѣльна съ представленіемъ о высокой христіанской морали.

Сочетаніе частей стихотворенія такое тѣсное, что ничего нельзя выдѣлить, ничего нельзя переставить, и все стихотвореніе производитъ впечатлѣніе одного цѣлаго золотого слитка.

Поэтическіе образы ясны и величественны, вполне отвѣчаютъ фабулѣ разсказа и природной обстановкѣ. Они стройно идутъ одинъ за другимъ.

Языкъ простой, чистый, возвышенный, вполне отвѣчаетъ величію фабулы и основной ея идеи. Любопытно, что стихотвореніе начинается прямо съ союза *и*, указывающаго сразу на высокій подъемъ духа поэта; затѣмъ это усиленное *и* повторяется въ стихотвореніи около 15 разъ: „И зноеть, и пылю“, „и къ пальмѣ пустынной“, „и легъ, и заснулъ“, „и чудо“ и пр. Затѣмъ встрѣчаются повторенія нѣкоторыхъ другихъ словъ, выражающихъ основное содержаніе стихотворенія, напр., слова пустыня (= степь) пять разъ, кладезь 4, пальма 3, ослица 3. Лексическій составъ стихотворенія весьма простъ и общедоступенъ. Изъ 223 словъ, составляющихъ стихотвореніе, можетъ понадобиться объясненіе 5 или 6 словъ, и то при чтеніи стихотворенія малоразвитыми дѣтьми, именно слѣдующихъ словъ: пальма, зѣница, ропталь, пустыня и святыя восторги.

Въ педагогической практикѣ нѣтъ надобности отвлекать вниманіе учениковъ въ сторону широкихъ историко-литературныхъ параллелей и аналогій и, по моему мнѣнію, достаточно ограничиться сравненіемъ стихотворенія съ текстомъ Корана, съ указаніемъ на преимущества стихотворенія. Затѣмъ я признаю полезнымъ въ педагогическомъ отношеніи сравненіе стихотворенія Пушкина „И путникъ усталый“ съ стихотвореніемъ Лермонтова „Три пальмы“; но при этомъ сравненіи нужно соблюдать большую осторожность, чтобы не принизить Лермонтова и не вызвать въ учащихся ложнаго пред-

ставленія о значеніи лермонтовской поэзіи. Въ этомъ случаѣ не слѣдуетъ оставлять въ сторонѣ, какъ это я сдѣлалъ выше, прекрасную картину каравана въ степи, и въ параллельномъ разборѣ обоихъ стихотвореній найдется достаточно оснований для правильной оцѣнки обоихъ поэтовъ и признанія ихъ заслугъ.

III — IV.

„Рѣдѣтъ облаковъ летучая града“...

„Ненастной ночи мгла“...

Въ 1819 г. въ поэзіи Пушкина обнаружился громадный ростъ генія. До 1819 г. его стихотворенія блѣдны, невыдержаны, съ сильными чертами подражанія. Въ 1819 году Пушкинъ, по какому-то высшему внутреннему откровенію, пишетъ превосходное во всѣхъ отношеніяхъ и подробностяхъ „Возрожденіе“, и съ этого момента мы имѣемъ въ Пушкинѣ гениальнаго поэта. Въ жизни это былъ еще легкомысленный юноша, проказникъ, поклонникъ „Вакха“ и „Киприды“; но въ поэзіи это былъ уже мудрецъ и гуманистъ. Въ 1820 году изъ подъ пера Пушкина вышелъ цѣлый рядъ сильныхъ и величественныхъ стихотвореній. Въ это время поэтъ проводилъ самые счастливые дни своей жизни въ семьѣ генерала Раевского, странствуя по югу Россіи. Въ это время Пушкинъ побывалъ на Кавказѣ и въ Крыму. „Суди, былъ ли я счастливъ, писалъ Пушкинъ брату; свободная безпечная жизнь въ кругу милаго семейства; жизнь, которую я такъ люблю и которой никогда не наслаждался; счастливое полуденное небо, прелестный край, природа, удовлетворяющая воображенію, горы, сады, море; другъ мой, любимая моя надежда увидѣтъ опять полуденный берегъ и семейство Раевского“.

Старикъ Раевскій, знаменитый дѣятель 12 года, былъ, по словамъ Пушкина, человекъ съ яснымъ умомъ, съ простой прекрасною душою, снисходительный, попечительный другъ, всегда милый, ласковый хозяинъ. Сынъ

вья его, молодые офицеры, были люди образованные, особенно старшій, съ которымъ Пушкинъ близко сошелся и которому пророчилъ блестящую будущность. Впослѣдствіи онъ оказался въ связи съ декабристами. Но главной привлекательной силой въ „миломъ“ семействѣ Раевского были его дочери, о которыхъ Пушкинъ такъ отзывался въ письмѣ къ брату: „всѣ его дочери прелесть, старшая — женщина необыкновенная“. Старшая дочь, Екатерина Николаевна, вышла впослѣдствіи замужъ за А. Θ. Орлова. Къ одной изъ дочерей Раевского, Еленѣ или Маріи, Пушкинъ питалъ глубокое чувство любви, которое, однако, тщательно скрывалъ изъ деликатнаго чувства уваженія къ любимой дѣвушкѣ и всему ея семейству. Образъ этой дѣвушки въ воспоминаніяхъ Пушкина неразрывно былъ связанъ съ Тавридой, занималъ его воображеніе три года сряду, не смотря на частыя временныя увлеченія поэта, и лишь черезъ четыре года былъ вытѣсненъ другимъ женскимъ образомъ — красавицы Ризничъ. Къ идеально-чистой крымской любви нашего поэта относится Элегія 1820 г.: „Рѣдѣтъ облаковъ летучая града“, напечатанная впервые въ Полярной Звѣздѣ 1824 года:

Рѣдѣтъ облаковъ летучая града.

Звѣзда печальная, вечерняя звѣзда!

Твой лучъ осеребрилъ увядшія равнины,

И дремлющій заливъ, и черныхъ скалъ вершины;

Люблю твой слабый свѣтъ въ небесной вышинѣ;

Онъ думы разбудилъ уснувшія во мнѣ.

Я помню твой восходъ, знакомое свѣтило,

Надъ мирною страной, гдѣ все для сердца мило,

Гдѣ стройно тополи въ долинахъ вознеслись,

Гдѣ дремлетъ нѣжный миртъ и темный кипарисъ,

И сладостно шумятъ таврическія волны.

Тамъ нѣкогда въ горахъ, сердечной думы полный,

Надъ моремъ я влачилъ задумчивую лѣнь,

Когда на хижины сходила ночь тѣнь

И дѣва юная во мглѣ тебя искала,
И именемъ своимъ подругамъ называла.

Для печати Пушкинъ замѣнилъ слово „таврическія“ (волны) словомъ „полуденныя“ и выбросилъ три послѣднихъ стиха; но въ „Полярной Звѣздѣ“ 1824 г. стихотвореніе было напечатано съ послѣдними стихами, что смутило и огорчило поэта. „Мнѣ случилось когда-то быть влюблену безъ памяти, писалъ по этому поводу Пушкинъ издателю альманаха А. А. Бестужеву. Богъ тебя простить; но ты осрамилъ меня, напечатавъ три послѣдніе стихи моей элегіи... Что жъ она подумаетъ? Обязана ли она знать, что она мною не названа, что элегія доставлена тебѣ Богъ знаетъ кѣмъ и что никто не виновать. Признаюсь, одной мыслью этой женщины я дорожу болѣе, чѣмъ мнѣніями всѣхъ журналовъ въ свѣтѣ“. Не смотря на выраженіе „когда-то“, въ послѣднихъ строкахъ письма сквозить еще сильный остатокъ отъ идеально чистой крымской любви, а между тѣмъ письмо написано спустя четыре года послѣ пребыванія поэта въ Крыму. По моему мнѣнію, тою же крымской любовью внушено слѣдующее стихотвореніе 1823 года:

Ненастный день потухъ, ненастной ночи мгла
По небу стелется одеждою свинцовой;
Какъ привидѣніе, за роцею сосновой
Луна туманная взошла...
Все мрачную тоску на душу мнѣ наводитъ.
Далеко, тамъ, луна въ сіяніи восходитъ,
Тамъ воздухъ напоенъ вечерней теплотой,
Тамъ море движется роскошной пеленой
Подъ голубыми небесами...
Вотъ время: по горѣ теперь идетъ она
Къ брегамъ, потошленнымъ шумящими волнами;
Тамъ, подъ завѣтными скалами,
Теперь она сидитъ печальна и одна...
Одна... никто предъ ней не плачетъ, не тоскуетъ;
Никто ея колѣнъ въ забвеньѣ не цѣлуетъ;

Одна... ничѣмъ устамъ она не предастъ
Ни плечъ, ни влажныхъ устъ, ни персей бѣлоснѣжныхъ.

.....
Никто ея любви небесной не достоинъ.
Не правда-ль, ты одна? ты плачешь?... я спокоенъ;
.....
Но если.....

Библиографы (Ефремовъ и др.) относятъ это стихотвореніе къ Ризничъ, которой увлекся Пушкинъ въ Одессѣ въ концѣ 1823 г. На мой взглядъ, эта элегія стоитъ въ большой зависимости отъ стихотворенія „Рѣдѣть облаковъ“, написана вскорѣ послѣ него и, по всей вѣроятности, относится къ одному и тому же лицу — къ Раевской. Къ Ризничъ относятся болѣе позднія стихотворенія — „Подъ небомъ голубымъ“ (1826), „Заклинаніе“ (1830) и „Для береговъ отчизны дальней“ (1830 г.). Всѣ три стихотворенія вызваны смертью Ризничъ. То обстоятельство, что Ризничъ по болѣзни уѣхала въ Италію и здѣсь умерла, придавало любовному къ ней чувству Пушкина высшее одухотвореніе, нѣжность и чистоту, что не шло къ Пушкину и Ризничъ при жизни ихъ въ Одессѣ, жизни пустой и разсѣянной ¹⁾. Элегія „Ненастный день потухъ“ не можетъ относиться къ Ризничъ по слѣдующимъ соображеніямъ: Богатый одесскій негоціантъ Ризничъ женился въ Вѣнѣ, и его красавица жена впервые пріѣхала въ Одессу весной 1823 г. Пушкинъ перѣхалъ въ ту же пору на постоянное жительство въ Одессу, и знакомство Пушкина съ Ризничъ, слѣдовательно, могло начаться во второй половинѣ 1823 года. Трудно думать, что первое знакомство поэта съ красавицей Ризничъ могло дать то глубокое чувство, которое

¹⁾ О Пушкинѣ и г-жѣ Ризничъ см. статьи: *Зеленецкаго* въ VI кн. Рус. Вѣстн. 1856 г. и *Халанскаго* въ IV т. Сборника харьк. ист. фил. общ. 1892 г.

сквозить въ элегіи „Ненастный день потухъ“. Затѣмъ, въ элегіи рѣчь идетъ о далекой сторонѣ, гдѣ „море движется подъ голубыми небесами“, говорится о милой женщинѣ, идущей „по горѣ“, потомъ сидящей „подъ завѣтными скалами“. Ни одна черта не идетъ ни къ Ризничъ, ни къ Одессѣ. Ризничъ жила тогда въ Одессѣ, гдѣ нѣтъ ни горъ, ни скалъ.

Неважно, къ кому лично относятся эти стихотворенія, къ одной любимой женщинѣ или къ двумъ, къ Марьѣ Николаевнѣ Раевской или къ Ризничъ; важны лишь выраженные въ этихъ элегіяхъ художественные образы, общій поэтической строй ихъ.

„Рѣдѣть облаковъ“ и „Ненастный день потухъ“ двѣ стороны одной и той же монеты, одного художественнаго настроенія. Въ обѣихъ элегіяхъ одинъ ходъ мысли, одни приемы творчества. Первый стихъ „Рѣдѣть облаковъ летучая гряда“ представляетъ цѣльный и самостоятельный образъ. Этотъ стихъ можно поставить въ началѣ стихотворенія „Ненастный день потухъ“ и здѣсь онъ окажется также вполне уместнымъ. Образъ этотъ сильный и мѣткій; но по сжатости выраженія онъ далеко не всегда можетъ быть воспринятъ по первому чтенію. Вообще, я не думаю, чтобы педагогическая практика могла легко справляться съ этимъ образомъ, какъ и вообще со всѣмъ стихотвореніемъ. Стихи — что картины — бываютъ такіе, что съ перваго взгляда бросаются въ глаза и легко запечатлѣваются въ памяти, бываютъ такіе, что нужно всмотрѣться, вчитаться, обдумать и прочувствовать, чтобы понять внутреннюю ихъ прелесть и тонкость отдѣлки. Разбираемья стихотворенія принадлежатъ къ такимъ труднодоступнымъ созданіямъ пушкинской Музы. Въ частности первый стихъ въ рукахъ другаго поэта могъ выйти гораздо болѣе распроstrаненнымъ; но трудно сказать, можно ли при расширеніи стиха достичь болѣе выразительности и силы. Трудность пониманія заключается главнымъ образомъ въ словѣ „гряда“ въ значеніи массы полуразорванныхъ,

слѣдующихъ одна за другой вечернихъ облаковъ, гонимыхъ сильнымъ осеннимъ вѣтромъ — величественная и сумрачная картина осенняго вечера. Можно думать, что весь этотъ образъ у Пушкина сложился, хотя и подъ живымъ личнымъ впечатлѣніемъ, но не безъ литературнаго вліянія со стороны, полагаемъ, по невольной реминисценціи о стихѣ Державина:

Волнисты облака грядой

Тихонько мимо пробѣгали.

Слово „гряда“ имѣетъ различныя значенія (указаны въ Акад. Словарѣ I, 624), изъ коихъ къ тексту Пушкина болѣе всего подходятъ значенія небольшого горнаго кряжа или лежащихъ по одному направленію небольшихъ острововъ. Слово „гряда“ встрѣчается еще въ двухъ стихотвореніяхъ Пушкина: въ „Сраженномъ рыцарѣ“ (1815): „лѣтливой грядою идутъ облака“, въ „Аквилонѣ“ (1824):

Недавно черныхъ тучъ грядой

Сводъ неба глухо облекался . . .

Если начало первой элегіи внушено Державинимъ, то начало второй дышетъ романтической поэзіей Жуковскаго. Выраженіе „какъ привидѣніе, за роцею сосновой, луна туманная взшла“ прямо взято изъ Жуковскаго, у котораго, какъ у всѣхъ романтиковъ, туманная луна и мрачная тоска являются шаблонными выраженіями. Вообще, это двустипшіе съ туманной луной довольно слабо.

Сравнивая далѣе обѣ элегіи, мы находимъ, что въ первой элегіи вечерняя звѣзда напоминаетъ поэту о другомъ вечерѣ въ чудномъ тепломъ краю; во второй — взошедшая туманная луна вызываетъ тождественное воспоминаніе; но при этомъ въ первой элегіи находится яркое противоположеніе увядшихъ подъ дыханіемъ осени украинскихъ равнинъ богатымъ растительностью долинамъ южнаго берега Крыма. Въ первой элегіи поэтъ вспоминаетъ о своихъ странствованіяхъ по горамъ; во второй — его воображенію рисуется милая дѣвушка на горѣ. Море тамъ и здѣсь и почти въ тождественныхъ

очертаніяхъ; въ первой элегіи „сладостно шумятъ таврическія волны“, во второй — любимая женщина идетъ „къ брегамъ, потопленнымъ шумящими волнами“. Нужно знать природу южнаго берега Крыма, чтобы понять, какъ правдивы эти мелкіе художественные штрихи. Въ обѣихъ элегіяхъ упоминаются скалы. Эротическій элементъ въ стихотвореніи „Ненастный день“ сильнѣе, чѣмъ въ элегіи „Рѣдѣть“. . . . Влажны уста, бѣлоснѣжны перси, цѣлованіе колѣнъ, многоточіе — всѣ эти проявленія скрытаго полового влеченія дѣлаютъ стихотвореніе „Ненастный день потухъ“ неудобнымъ для класснаго чтенія и разбора. Въ педагогическомъ отношеніи вполне удовлетворительнымъ можно признать стихотвореніе „Рѣдѣть облаковъ летучая града“. Въ этомъ стихотвореніи разлито много изящества, благородства и задушевности. Оставляя обращеніе къ вечерней звѣздѣ, о чемъ подробно скажемъ въ концѣ настоящей статьи, мы должны отмѣтить, что, помимо этого главнаго поэтического мотива, въ стихотвореніи выдаются такія прекрасныя черты, какъ картина малорусскаго поля при слабомъ мерцаніи звѣздъ, что выражено мѣткимъ словомъ „осеребрилъ“, мягкое чувство любви къ природѣ при слабомъ свѣтѣ вечерней звѣзды въ небесной вышинѣ, картина благодатнаго теплаго юга съ его нѣжными миртами и темными кипарисами, наконецъ, прелестная мелочь — какъ дѣва юная называла звѣзду своимъ именемъ. Последняя черта самому Пушкину казалась настолько случайной и субъективной, что онъ хотѣлъ ее выбросить, опасался, что этой чертой, взятой изъ дѣйствительной жизни, оскорбится любимая имъ женщина. Эта мелочь, однако, вовсе не такъ случайна и субъективна, какъ объ этомъ думалъ поэтъ. Онъ самъ того не подозрѣвалъ, что въ этой мелочи отмѣтилъ болѣе психологическое явленіе, чѣмъ частный бытовой случай, что нѣчто подобное встрѣчается въ народныхъ повѣрьяхъ и пѣсняхъ.

Съ стихотвореніемъ А. С. Пушкина „Рѣдѣть обла-

ковъ летучая града“ интересно сравнить слѣдующее стихотвореніе Шевченка:

Сонце заходить; горы чорніють;
 Пташечка тихне; поле німіе;
 Радіють люде, що одпочнуть;
 А я дивлюся и сердцемъ лynu
 Въ темный садочекъ на Украину;
 Лynu я, лynu, думу гадаю,
 И нібы сердце одпочывае.
 Чорніе поле, и гай, и горы,
 На сыне небо выходить зоря.
 Ой, зоре, зоре! — и слезы кануть —
 Чи ты зійшла вже и на Украйни?
 Чи очи кари тебе шукають
 На неби синимъ, чи забувають?
 Коли забулы — бодай заснулы,
 Про мою доленьку щобъ и не чулы.

Это стихотвореніе написано въ 1847 г.; но нѣтъ никакого основанія думать, что оно внушено Шевченку элегіями Пушкина. Въ стихотвореніяхъ Шевченка все просто, искренно и естественно. Большое сходство въ обращеніи къ вечерней звѣздѣ и воспоминаніе о какой-то любимой женщинѣ съ карыми очами, которыя ищутъ звѣзду одновременно со взглядомъ на нее поэта — это сходство покоится на общемъ психологическомъ мотивѣ — воспоминаніи о далекой любимой женщинѣ при взглядѣ на вечернюю звѣзду. Къ этому мотиву мы еще вернемся при обзорѣ нѣкоторыхъ народныхъ пѣсень. Возвращаясь къ Шевченку, мы должны отмѣтить, что у него вся сила воспоминанія сосредоточена на его дорогой родинѣ. Начало „Сонце заходить“ подходит къ „Ненастный день потухъ“; слова „горы чорніють“ прямо отвѣчаютъ выраженію Пушкина „черныхъ скалъ вершины“. Выраженія „пташечка тихне; поле німіе“ придаютъ стихотворенію Шевченка южную мягкость и нѣжность. Выраженіе „поле німіе“ глубоко народное; оно вполне соответствуетъ прекрасной малорусской народ-

ной жатвенной пѣснѣ „Ой чіе жъ то поле заспывало стоя?“ въ значеніи волнующейся и шумящей ржи (у Чубинскаго III, 236). Не можетъ быть и спора о томъ, что краски и образы Пушкина ярче и сильнѣе, насколько ярче и сильнѣе крымское солнце сравнительно съ солнцемъ Малороссіи, кипарисы и мирты крымскихъ долинъ сравнительно съ украинскими темными садовками и гаями. Въ обоихъ стихотвореніяхъ много мягкаго задушевнаго чувства и тихой грусти ¹⁾).

Въ народной поэзіи также весьма распространенъ мотивъ обращенія мужчины къ вечерней звѣздѣ, причемъ обыкновенно вечерняя звѣзда или напоминаетъ о любимой дѣвушкѣ или еще чаще служитъ символомъ ея. Такъ, въ великорусской свадебной пѣснѣ (зап. въ Воронежѣ):

Ты зоря ль моя, зоренька,
Ты вечернее солнышко,
Высоко ты восходило,
Далеко свѣтило.
Черезъ лѣсъ, черезъ поле,
Черезъ синее море.
Тутъ лежала досточка дубовая,
Переклада сосновая,
Никто по тѣмъ доскамъ не хаживаль,
Никого за собой не важиваль.
Перешель (имя жениха),

¹⁾ Въ 40-хъ годахъ учитель гимназій въ Харьковѣ С. Л. Геевскій, малоруссъ по происхожденію, написалъ по польски для своей жены акростихъ, гдѣ обнаружилась та же психологическая черта — мысль о любимой женщинѣ при взглядѣ на вечернюю звѣзду:

Światła gwiazdeczka błysnęła na niebie:
Ona płynęła cicho... Jej blask pałający
Padał na ziemię — ach długo ja patrzyłem na ciebie...
Harfa z ręki upadła... blask ślepił oczy!
Ja kocham tu gwiazdkę, kocham jak Boga!
Anioł tam żyje, tam żyje moja droga!

Перевель (имя невѣсты).
Перешедши спрашиваль:
„Ты горазда ль (имя невѣсты) домою жить,
Ты умѣешь ли во двору ходить?“
Не горазда я домою жить,
Не умѣю во двору ходить;
Я горазда на ручкѣ спать,
Я горазда на правенькой,
У дружкы у милаго,
У его сердца ретиваго.

(Воронеж. Юбил. Сборникъ, 87).

Весьма сходная свадебная пѣсня, также великорусская, недавно записана въ Терской области (*Сборн. матер. для изуч. Кавказа* XVI, 339—340).

Обращеніе къ звѣздѣ вошло и въ старинную великорусскую солдатскую пѣсню, причемъ вмѣсто воспоминанія о милой явилось воспоминаніе о полководцѣ — естественная замѣна для солдата старыхъ временъ:

Ты звѣзда-ль моя, ты звѣздочка,
Ты звѣзда-ль моя восходящая,
Ты звѣзда-ль моя золотая.
Высоко ты звѣзда восходила,
Выше солнца, выше мѣсяца,
Выше облака ходячаго,
Выше лѣсу-ли стоячаго,
Выше садику зеленаго,
Освѣтила весь Кистринь-то градъ

(Рыбн. II, 245).

Упоминаемый въ пѣснѣ Кистринь — Küstrin въ Пруссіи. Подъ этимъ городомъ въ 1758 г. было большое сраженіе между русскими и пруссаками. Осада Кюстрина и битва отразились какъ въ великорусскихъ, такъ и въ малорусскихъ историческихъ пѣсняхъ.

Въ малорусскихъ пѣсняхъ „зора“ — звѣзда — знаменуетъ собою дѣвицу. Дѣвушка часто сравнивается съ ясной звѣздой по красотѣ. Въ иныхъ пѣсняхъ дѣвица заимствуетъ свою красу отъ звѣзды, упавшей на

землю (см. *Потемню*, Объясн. малор. пѣс. II, 85—103; *Яичука*, Малорусск. свадьба, 81). Малорусскія пѣсни о звѣздѣ и дѣвицѣ большею частью очень художественны и мягки, напр.:

Ой зійды, зійды, та зиронько та вечирняя,
 Ой выйды, выйды, та дивчино моя вирная.
 Рада бѣ зирка зійты — чорна хмара наступае,
 Рада бѣ дивка выйты — такъ матуся не пускае.
 А зиронька зійшла — усе поле освитыла,
 А дивчина выйшла — козаченька звеселыла.

Чубинскій, т. V, 134.

Я здѣсь не буду останавливаться на тѣхъ многочисленныхъ славянскихъ, малорусскихъ, сербскихъ и др. пѣсняхъ, гдѣ пѣвецъ спрашиваетъ звѣзду, почему она „мисяца недогоныла“ (*Чуб.* V, 579), „дангубила“ (*В. Карадж.* II, 629), пѣсень, правда, любовныхъ, но большею частью съ замѣной мужчины мѣсяцемъ. Я позволю себѣ привести здѣсь лишь одну прекрасную болгарскую пѣсню, напечатанную въ малоизвестномъ изданіи „Библиотека свети Климентъ“ 1889 г., VIII, 168. Марко Королевичъ, чувствуя въ себѣ, подобно Святогору, избытокъ силъ, чуждый нѣжнаго воспоминанія о милой женщинѣ, обращается къ вечерней звѣздѣ съ похвалой:

Да ми слѣзить Господь отъ небеси
 И со него на майданъ излѣгвамъ;
 Край да иматъ майка цѣрна земя
 С'една ржка неа подкренамъ!“

Вечерняя звѣзда была смущена этой наглою похвалой, что выражается въ слѣдующемъ художественномъ образѣ:

Слушать него звѣзда вечерница,
 Нищо Марку звѣзда не отврѣви,
 Саде ѣ са лице затемнило
 Затемнило мощнѣ замжглило,
 Побързала подъ облакъ се скрила,
 Та отъ що ѣ жалба припадало,
 Поронила солзи низъ облака,

И ми падватъ солзи отъ висина
 Како роса долу на зѣмята.

Въ иноплеменныхъ пѣсняхъ также находится поэтический мотивъ обращенія влюбленнаго къ вечерней звѣздѣ. Въ этомъ отношеніи не лишено интереса слѣдующее выраженіе въ пѣснѣ испанскихъ арабовъ X—XV в. (въ перев. Вейнберга):

Въ небесахъ я взорами блуждаю
 И ищю, лишенный всѣхъ отрадъ,
 Не найду-ль ту звѣздочку, къ которой
 Въ этотъ мигъ и твой прикованъ взглядъ.

Можно думать, что мотивъ этотъ общечеловѣческий и встрѣчается на разныхъ степеняхъ культуры, такъ можно думать потому, что даже въ народной поэзии полудикихъ чувашъ находится сближеніе дѣвицъ со звѣздами:

Въ самой вышинѣ семь звѣздъ (=Большая Медвѣдица),

Это и приносить красу міру.
 Въ этой игрѣ семьдесятъ дѣвушекъ,
 Это и приносить красу игрѣ

(*Этногр. Обзор.* XIII, 59).

Новѣйшее искусство начинаетъ широко пользоваться поэтическимъ мотивомъ обращенія къ вечерней звѣздѣ. Укажу, напримѣръ, на прекрасную мелодію Вольффрама въ оперѣ Тангейзеръ въ III дѣйствиіи и на одинъ сонетъ Вордсворта.

Замѣтимъ здѣсь мимоходомъ, что сближеніе любимой женщины со звѣздой встрѣчается еще въ другомъ стихотвореніи Пушкина—въ „Заклинаніи“ (1830): „Приди, какъ дальняя звѣзда“

Сравнивая стихотворенія Пушкина и Шевченка о вечерней звѣздѣ съ соотвѣтствующими народными пѣснями, мы видимъ, что мысль народныхъ поэтовъ идетъ параллельно съ мыслью поэтовъ образованнаго общества и въ области словеснаго творчества можетъ подняться на большую высоту. Обращаясь къ элегіи „Рѣдѣть облаковъ летучая града“, мы находимъ въ ней много об-

щаго въ основной части, въ ходѣ мысли, съ народными пѣснями, и прежде всего съ приведенной великорусской свадебной. Если отбросить у Пушкина первый стихъ, явившійся результатомъ двойнаго воздѣйствія на поэта—осенняго вечера и державинской поэзіи, то въ пушкинской элегіи окажется народный пѣсенный запѣвъ и другія черты сходства съ народными пѣснями:

У Пушкина:

Звѣзда печальная, вечерняя звѣзда!

Въ народныхъ пѣсняхъ:

Ты зоря ль моя, зоренька,

Ты вечернее солнышко . . .

Ой ты зиронько, ты вечерняя . . .

У Пушкина:

Твой лучъ осеребрилъ увядшія равнины

И дремлющій заливъ, и черныхъ скалъ вершины...

и потомъ слѣдуетъ, между прочимъ, море.

Въ народныхъ пѣсняхъ:

Высоко ты восходила,

Далеко свѣтила,

Черезъ лѣсъ, черезъ поле,

Черезъ синее море . . .

Высоко ты восходила,

Выше лѣсу-ли стоячаго,

Выше садику зеленаго . . .

А зиронька зійшла

Усе поле освитыла.

Вся разница въ сравнительно бѣльшемъ кругу наблюдательности интеллигентнаго поэта и бѣльшемъ запасѣ словъ, и потому у него вмѣсто „садика зеленаго“ вѣжные мирты и темные кипарисы, вмѣсто „синяго моря“ сладостно шумящія таврическія волны. Затѣмъ, Пушкинъ видѣлъ и горы, и прибрежныя морскія скалы, чего народные поэты не могли видѣть ни въ Великороссіи, ни въ Малороссіи.

Итакъ, въ общемъ выводѣ мы можемъ сказать, что элегія „Ненастный день потухъ“ повторное явленіе, сравнительно съ элегіей „Рѣдѣть . . .“, болѣе сильное по любовному чувству и слабое въ художественномъ отношеніи. Она почти всецѣло укладывается въ элегію 1820 года по содержанію и формѣ. Для класснаго чтенія и разбора эта элегія неудобна. Прототипъ ея—элегія 1820 года представляетъ художественное цѣлое, вѣрно выражаетъ природу юга Россіи, по строю, ходу мысли и образамъ отвѣчаетъ народнымъ пѣснямъ о вечерней звѣздѣ и потому глубоко народна, безъ малѣйшаго подражанія со стороны Пушкина, единственно въ силу присущей его таланту народности. И въ педагогическомъ отношеніи элегія „Рѣдѣть облаковъ летучая гряда“ можетъ быть признана на этихъ основаніяхъ вполне пригоднымъ стихотвореніемъ.

V.

Зачѣмъ крутится вѣтръ въ оврагѣ

„Родословная моего героя“ 1833 года, разсматриваемая независимо отъ „Мѣднаго всадника“, произведение тяжелое и скучное. Пушкинъ, видно, началъ свою „сатирическую поэмку“ равнодушно, какъ публицистъ съ дворянскими симпатіями, съ сожалѣніями, что „родовъ боярскихъ блѣднѣетъ блескъ и никнетъ духъ“, писалъ вяло, пока божественный глаголь скрытаго въ немъ генія не коснулся его чуткаго слуха. Въ послѣднихъ двухъ строфахъ „душа Пушкина встрепенулась, какъ пробудившійся орелъ“. Его перо обращается въ молотъ Тора и создаетъ прекрасное, грандіозное произведение, совершенно цѣльное и самостоятельное, безъ связи съ предыдущими строфами. Нужно прежде всего вникнуть въ первые вступительные поэтическіе образы, составляющіе XI-ую строфу, образы изъ внѣшняго міра и затѣмъ углубиться въ таинственный міръ духа поэта, въ тайны его творчества, и въ результатѣ нельзя не проникнуться чувствомъ глубокаго уваженія къ силѣ человѣческаго духа и къ сознанию необходимости свободы для него въ сферѣ всякаго творчества* и прежде всего творчества поэтическаго.

- 1 Зачѣмъ крутится вѣтръ въ оврагѣ,
- 2 Волнуетъ степь и пыль несетъ,
- 3 Когда корабль въ недвижной влагѣ
- 4 Его дыханья жадно ждетъ?
- 5 Зачѣмъ отъ горъ и мимо башенъ
- 6 Летитъ орелъ, угрюмъ и страшень,
- 7 На пень гнилой? Спроси его!
- 8 Зачѣмъ арапа своего
- 9 Младая любитъ Дездемона
- 10 Какъ мѣсяць любитъ ночи мглу?
- 11 Затѣмъ, что вѣтру и орлу
- 12 И сердцу дѣвы нѣтъ закона.
- 13 Гордись! таковъ и ты, поэтъ,
- 14 И для тебя закона нѣтъ.
- 15 Исполненъ мыслями златыми,
- 16 Непонимаемый никѣмъ,
- 17 Передъ кумирами земными,
- 18 Проходишь ты уныль и нѣмъ.
- 19 Съ толпой не дѣлишь ты ни гнѣва,
- 20 Ни нужды, ни хохота, ни рева,
- 21 Ни удивленья, ни труда.
- 22 Глупецъ кричитъ: „куда? куда?
- 23 Дорога здѣсь!“ Но ты не слышишь,
- 24 Идешь, куда тебя влекутъ
- 25 Мечтанья тайныя. Твой трудъ —
- 26 Тебѣ награда: имъ ты дышешь,
- 27 А плодъ его бросаешь ты
- 28 Толпѣ, рабынѣ суеты.

Стихотвореніе это вырабатывалось въ душѣ поэта приблизительно въ теченіе пятнадцати лѣтъ; въ отдѣльных частяхъ и по основной идеѣ оно очень близко стоитъ къ „Отвѣту на вызовъ написать стихи“ (1819 г.), „Изыде сѣятель“ (1823), „Уединеніе“ (1822), „Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ“ (1824), „Цыгане“ (1824), „Поэтъ“ (1827), „Чернь“ (1828), „Отвѣтъ анониму“ (1830), „Поэту“ (1830), „Эхо“ (1832), „Изъ VI Пиндемонте“ (1835). Въ цѣломъ оно является высшимъ обоб-

щеніемъ всѣхъ помянутыхъ выше личныхъ признаній поэта.

Стихотвореніе „Зачѣмъ крутится“ написано въ 1833 году, при полномъ расцвѣтѣ духовныхъ силъ поэта. Прослѣдимъ сначала образы, посмотримъ, какъ они сложились, и начнемъ съ самаго изящнаго перваго образа:

Зачѣмъ крутится вѣтръ въ оврагѣ,
Волнуеть степь и пыль несетъ,
Когда корабль въ недвижной влагѣ
Его дыханья жадно ждетъ.

Въ стихотвореніи „Осень“ 1830 г. находится уже зародышъ этого образа. Поэтъ говоритъ, что ему мила осень; въ осеннее время:

И мысли въ головѣ волнуются въ отвагѣ,
И рѣмы легкія навстрѣчу имъ бѣгутъ,
И пальцы просятся къ перу, перо къ бумагѣ,
Минута — и стихи свободно потекутъ.
Такъ дремлетъ недвижимъ корабль въ недвижной
влагѣ,

Но, чу! . . . матросы вдругъ кидаются, ползутъ
Вверхъ, внизъ — и паруса надулись вѣтра полны:
Громада двинулась и разсѣкаетъ волны
Плыветъ . . .

Образъ 1833 г. гораздо сильнѣе, отчетливѣе; „Осень“ ясно показываетъ, что онъ въ 1830 г. уже существовалъ въ душѣ поэта съ другимъ приуроченіемъ — къ самой личности поэта, отчего онъ и согрѣтъ такой теплотой. Замѣчательно противоположеніе оврага, гдѣ крутится вѣтеръ, и степи, гдѣ онъ несетъ, лишь поднимая пыль, водному простору морей, гдѣ при парусныхъ корабляхъ стараго времени онъ былъ такъ необходимъ и полезенъ.

Оближеніе поэзіи съ вѣтромъ возникло въ душѣ поэта еще ранѣе. Въ „Черни“ 1828 г. люди толпы говорятъ о поэтѣ:

Какъ вѣтеръ, пѣснь его свободна,

За то какъ вѣтеръ и бесплодна:

Какая польза намъ отъ ней?

Первоначально вѣтеръ и орелъ могли возникнуть въ связи съ другими образами. Въ „Узникѣ“ 1822 г. „вскормленный на волѣ орелъ молодой“ вызываетъ узника погулять туда, гдѣ гуляетъ лишь онъ, орелъ, да вѣтеръ.

Въ стихотвореніи „Поэтъ“ 1827 г. душа поэта въ моментъ творчества сравнивается съ „пробудившимся орломъ“.

Люди мыслящіе, особенно мыслящіе художники, поэты-философы иногда сходятся и подають другъ другу руки черезъ цѣлые вѣка культурнаго развитія. Иногда бываетъ прямое вліяніе; чаще бываетъ случайное совпаденіе. Отмѣтимъ здѣсь замѣчательный случай такого совпаденія. Никто не станетъ утверждать, что Пушкинъ читалъ малорусскія шевальерскія вирши XVII в., и уже никоимъ образомъ нельзя предположить, чтобы онъ заимствовалъ что-либо изъ этого литературнаго источника. Вирши большею частью схоластичны, сухи, натянута; но есть между ними глубоко искреннія, задушевныя, художественныя, и въ такихъ-то виршахъ сказываются образы, близкіе къ стихамъ Пушкина. Въ одной виршѣ поэтъ жалуется:

„родины не маю,

На чужини пробуваю и вѣкъ свой теряю.

Ой якъ орелъ понадъ моремъ повитремъ носытся,

Такъ сырота на чужини съ плачомъ веселытся...

У Пушкина орелъ зоветъ узника туда, „гдѣ синѣють морскіе края“. Далѣе Пушкинъ вспомнилъ объ орлѣ, жалуясь на духовную „чужину“, на холодную толпу. Еще ближе къ стихотворенію Пушкина „Зачѣмъ крутится вѣтръ въ оврагѣ“ стоитъ слѣдующая поэтическая вирша:

Годи вамъ шумиты, зеленыи лугы!

Годи млиты сердцю моему съ несноснои тугы!

Якъ цвѣты прекрасныи скоро одцвѣтають,

То такъ насъ молодыи лѣта скоро покидають . . .

Віють витры въ степу — запрету не мають:

Идутъ мысли въ день и въ ноци — спокою не дають
(*Житєцкій*, Мысли о малор. думяхъ 75, 77).

Образъ малорусскаго школьнаго поэта XVII вѣка: „віють витры въ степу — запрету не мають“, очевидно, тождественъ съ пушкинскимъ вѣтромъ въ оврагѣ, и даже приложеніе образа почти одинаково — у малорусскаго поэта — къ мыслямъ, у Пушкина — къ пѣснямъ, слѣдовательно и къ породившимъ ихъ мыслямъ.

„Сердцу дѣвы нѣтъ закона“. Такое положеніе было высказано Пушкинымъ ранѣе въ „Цыганахъ“ (1824 г.):

Взгляни: подъ отдаленнымъ сводомъ

Гуляетъ вольная луна;

На всю природу мимоходомъ

Равно сіянье льетъ она:

Заглянетъ въ облако любое,

Его такъ пышно озарить —

И вотъ ужъ перешла въ другое,

И то недолго посѣтитъ.

Кто мѣсто въ небѣ ей укажетъ,

Промолвя: тамъ остановись!

Кто сердцу юной дѣвы скажетъ:

Люби одно, не измѣнись!

Этотъ прекрасный образъ изъ внѣшней природы, можетъ быть, обусловилъ въ „Родословной моего героя“ замѣчательно сильное и мѣткое выраженіе, что Дездемона любила мавра Отелло, „какъ мѣсяць любитъ ночи мглу“. Замѣчательно, что и здѣсь любящая женщина сближена съ луной. Въ этой мелочи обнаруживается глубокая народность Пушкина. Дѣло въ томъ, что въ народномъ міросозерданіи глубоко коренится сближеніе женщины, любви, супружества съ луной. Это сближеніе въ древности при миѳическомъ строѣ мысли вело къ представленію луны влюбленной женщиной, разыскивающей въ небесномъ пространствѣ покинуваго ее мужа ¹⁾.

¹⁾ Подробности см. въ моемъ соч. „О свадебныхъ обрядахъ“ 1881 г.

Въ послѣднія два десятилѣтія опошлено и опозорено много такихъ терминовъ, словъ и выраженій, которые были плодомъ долгаго культурнаго развитія общества и по основѣ своей нравственны и прогрессивны. Въ рядѣ такихъ терминовъ вошла и „свободная любовь“. Этотъ терминъ, въ сущности очень широкій и многосторонній, большею частью ограничивается узкимъ значеніемъ, близкимъ къ понятію о развратѣ, о нарушеніи супружескаго долга. У Пушкина много любовныхъ фривольныхъ стихотвореній; но при всемъ томъ было бы прямой напраслиной отрицать въ Пушкинѣ, какъ человѣкѣ и поэтѣ, строгія требованія нравственнаго долга. Татьяна (въ „Евгеніи Онѣгинѣ“) служитъ краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ высокаго мнѣнія Пушкина о нравственной чистотѣ брака и достоинствѣ замужней женщины. Безграницно свободнымъ признается только „сердце дѣвы“, и въ этомъ признаніи нужно видѣть большой культурный шагъ, истинно прогрессивное начало въ темную эпоху разнообразнаго крѣпостничества и приниженія личности, что выражалось часто и въ отношеніи личности молодой дѣвушки при выдачѣ ея замужъ безъ спроса о ея желаніи, по соображеніямъ и расчетамъ родителей. Въ крестьянскомъ быту великоруссовъ это насиліе надъ „сердцемъ дѣвы“ и теперь еще держится, какъ освященный вѣками патріархальный обычай ¹⁾.

Вѣтеръ, орелъ и сердце дѣвы обобщены и это обобщеніе распространено на поэта. И для поэта „нѣтъ закона“, т. е. внѣшняго, уставнаго, нѣтъ шаблона. Законъ для него—внутренній голосъ совѣсти. Какъ понималъ поэтъ свободу и „законъ“, можно опредѣлить по цѣлому ряду стихотвореній, начиная съ „Отвѣта на вызовъ написать стихи“ 1819 г. и до „Изъ VI Пиндемонта“ 1835 г. Въ послѣднемъ стихотвореніи поэтъ заяв-

¹⁾ Подробности см. въ моемъ соч. „О свадебныхъ обрядахъ“ 1881 г.

ляетъ о своемъ желаніи не зависѣть ни отъ властей, ни отъ народа; никому

Отчета не давать; себѣ лишь одному
Служить и угождать; для власти, для ливреи
Не гнуть ни совѣсти, ни помысловъ, ни шеи.

Въ „Отвѣтъ 1819 г. Пушкинъ говоритъ:

На лирѣ скромной, благородной
Земныхъ боговъ я не хвалилъ.
И силѣ, въ гордости свободной,
Кадиломъ лести не кадилъ.

Нѣсколько стихотвореній Пушкина умѣренного па-негирическаго свойства вызваны личной признательностью поэта за цензурныя облегченія, патриотическимъ воодушевленіемъ въ періодъ войнъ и увѣренностью, что его „неподушный голосъ былъ эхомъ русскаго народа“. Прямое разъясненіе даетъ самъ Пушкинъ въ откровенномъ стихотвореніи „Друзьямъ“. Но Пушкинъ не находилъ никакого повода и оправданія для служенія тому кумиру, который называется обществомъ, толпой, въ рѣзкой формѣ „черню“, съ какой стороны поэтъ встрѣтилъ много оскорбленій. Нравственный и политическій уровень развитія русскаго общества 20 и 30-хъ годовъ былъ очень низкій. И въ литературныхъ вопросахъ Пушкинъ могъ сказать: „Ты самъ — свой высшій судъ“. Въ оцѣнѣ Пушкина современниками и даже потомствомъ было много невѣжества, легкомыслія, недоброжелательства и клеветы. Въ этомъ отношеніи на одну доску приходится поставить Булгарина и Писарева, столь различныхъ въ другихъ отношеніяхъ. Разница въ томъ, что Булгаринъ писалъ Бенкендорфу; Писаревъ обращался къ толпѣ.

Исполненъ мыслями златыми,
Непонимаемый никѣмъ . . .

Что это за златыя мысли? Это тѣ мысли о свободѣ, гуманности, милосердіи, которыя выразились въ формѣ „Пророка“, „И путникъ усталый“, „Аквилонъ“, „Туча“,

„Посланіе въ Сибирь“, „Нянѣ“ и во мн. др. стихотвореніяхъ высокаго поэтическаго достоинства.

„Непонимаемый никѣмъ“ . . . Это длинная исторія почти всей критики стихотвореній Пушкина, богатой по количеству и бѣдной по качеству, за немногими исключеніями, относящимися ко времени послѣ смерти Пушкина. Пушкинъ рѣзко отзывался о своихъ литературно-общественныхъ суждяхъ:

Глупецъ кричитъ: куда? куда?

Дорога здѣсь! Но ты не слышишь . . .

Тоже жесткое выраженіе въ стихотвореніи „Уединеніе“ 1822 г.

Блаженъ... кто скрытъ по милости Творца,

Отъ усыпителя глупца,

Отъ пробудителя нахала

въ стихотвореніи „Поэту“ 1830 г.:

Услышишь судъ глупца и смѣхъ толпы холодной;

и въ „Памятникѣ“ 1836 г.:

Хвалу и клевету пріемли равнодушно

И не оспаривай глупца.

Въ письмѣ къ Гнѣдичу 1822 г. Пушкинъ говоритъ: „Я что-то въ милости у русской публики.

Je n'ai pas mérité

Ni cet excès d'honneur, ni cette indignité...

Я очень знаю мѣру понятія, вкуса и просвѣщенія этой публики. Есть у насъ люди, которые выше ея: этихъ она недостойна чувствовать; другіе ей по плечу: этихъ она любитъ и почитаетъ. Помню, что Хмѣльницкій читалъ однажды мнѣ своего Нерѣшительнаго. Услыша стихъ: „И должно честь отдать, что нѣмцы аккуратны“—я сказалъ ему: вспомните мое слово, при этомъ стихѣ все захлопаетъ и захохочетъ. А что тутъ остраго, смѣшнаго? . . .

Въ письмѣ къ брату того же времени Пушкинъ совѣтуетъ ему „презирать людей самымъ вѣжливѣйшимъ образомъ, избѣгать благодѣаній, не допускать угодливости“ . . .

Въ письмѣ къ кн. Вяземскому 1825 г. Пушкинъ, по поводу потери записокъ Байрона, пишетъ: „Оставь любопытство толпѣ и будь за одно съ гениемъ... Толпа жадно читаетъ исповѣди, записки etc., потому что въ подлости своей радуется униженію высокаго, слабымъ могучаго“... .

Профессоръ Незеленовъ говоритъ: „Въ воззрѣніяхъ Пушкина въ это время (20-ые годы) замѣтно презрѣніе къ людямъ“ и въ скобкахъ замѣчаетъ: „Вполнѣ ли искренно это презрѣніе другой вопросъ“. Почтенный біографъ Пушкина находитъ „весьма вѣроятнымъ, что подобнымъ идеямъ (будто великіе историческіе дѣятели обыкновенно презираютъ человѣчество) поэтъ нашъ учился у Вольтера и Байрона“, который въ Чайльдъ-Гарольдѣ изобразилъ Наполеона презирающимъ людей“ (стр. 29 и 99). Презрѣніе къ толпѣ проходитъ черезъ многія стихотворенія Пушкина, отъ первыхъ поэтическихъ опытовъ до конца жизни поэта и потому я считаю его вполнѣ искреннимъ. Литературнымъ вліяніемъ не придаю важнаго значенія, и полагаю, что Пушкинъ имѣлъ достаточныя бытовыя основанія презирать современное ему общество. За нѣсколько мѣсяцевъ до кончины Пушкинъ писалъ Чаадаеву (въ 1836 г.): „Нужно признаться, что наша общественная жизнь весьма печальна. Это отсутствіе общественнаго мнѣнія, это равнодушіе ко всякому долгу, къ справедливости и правдѣ, это циническое презрѣніе къ мысли и къ человѣческому достоинству, дѣйствительно, приводятъ въ отчаяніе“.

Презрѣніе къ обществу выражается въ цѣломъ рядѣ стихотвореній, такъ: въ „Уединенія“ 1819 г.:

Блаженъ, кто въ отдаленной сѣни

Вдали взыскательныхъ невѣждъ

Дни дѣлитъ межъ трудовъ и лѣни...

въ „Изъде сѣятель“ 1823 г.:

Свободы сѣятель пустынный

Я вышелъ рано до звѣзды,

Рукою чистой и безвинной

Въ порабощенныя бразды
Бросалъ живительное сѣмя;
Но потерять я только время,
Благія мысли и труды

и затѣмъ рѣзкое отверженіе „мирныхъ народовъ“, которымъ въ наслѣдство опредѣлены ярмо и бичъ; въ „Разговорѣ книгопродавца“ 1824 г.:

Блаженъ, кто про себя тайлъ
Души высокія созданья
И отъ людей, какъ отъ могилъ,
Не ждалъ за чувство воздаянья?
Блаженъ, кто молча былъ поэтъ,
И терномъ славы неувитый,
Презрѣнной чернію забытый
Безъ имени покинулъ свѣтъ!
Обманчивѣй и снова надежды,
Что слава? Шопоть ли чтеца?
Гоненье низкаго невѣжды?
Иль восхищеніе глупца?

Въ стихотвореніи „Поэтъ“ 1827 г.:

Тоскуетъ онъ въ забавахъ міра,
Людской чуждается молвы;
Къ ногамъ народнаго кумира
Не клонитъ гордой головы.

Въ стихотвореніи „Чернь“ 1828 г. лишь развита мысль, выраженная въ „Изъде сѣятель“, и развита въ такой рѣзкой формѣ, что это стихотвореніе дало главное оружіе для униженія Пушкина въ 60-хъ годахъ. Безъ изученія его параллельно съ „Отвѣтомъ анониму“ и др. стихотвореніями Пушкина и въ особенности безъ отношенія ихъ къ современной Пушкину печальной дѣйствительности на поэта можно возвести обвиненіе въ презрѣніи къ людямъ вообще.

Въ сонетѣ „Поэту“ 1830 г. уже чувствуется большое приближеніе къ „Зачѣмъ крутится“... И здѣсь поэту дается совѣтъ не дорожить любовью народной, быть твердымъ и угрюмымъ, подобно „угрюмому“ орлу раз-

бираемаго стихотворенія. Выраженію: „твой трудъ тебѣ награда“ отвѣчаетъ въ сонетѣ:

Всѣхъ строже оцѣнить умѣешь ты свой трудъ,
Ты имъ доволенъ ли, взыскательный художникъ,
Доволенъ? Такъ пускай толпа его бранить.

Въ „Эхо“ 1832 г. какъ-бы слышится сожалѣніе, что поэту, какъ эху, „нѣтъ отзыва“.

Въ „Отвѣтъ анониму“ 1830 г. Пушкинъ выражаетъ живое чувство благодарности за доброжелательный отзывъ. Его глубоко любящее сердце нуждалось въ сочувствіи, въ отзывчивости, и Пушкинъ прославилъ свою няню, которая его любила безкорыстно, тронуть былъ доброжелательствомъ анонимнаго критика. Это стихотвореніе въ связи съ нѣкоторыми другими даетъ намъ ключъ къ пониманію личныхъ субъективныхъ причинъ недовольства Пушкина толпой, — къ пониманію происхожденія суровыхъ строкъ „Черни“ и однородныхъ стихотвореній. Здѣсь дѣйствовало не одно оскорбленное самолюбіе писателя, недовольство критиками, столкновенія съ Булгаринимъ, Каченовскимъ, цензорами. Дѣйствительно, толпа—общество относилось къ поэту съ той жестокостью, какая лежала въ самой его крѣпостнической полурабской природѣ. Это общество въ значительной степени оправдывало по своимъ понятіямъ и привычкамъ жестокія слова поэта (отнесены къ новогрекамъ; но имѣютъ болѣе широкое значеніе):

Къ чему стадамъ дары свободы?
Ихъ должно рѣзать или стричь;
Наслѣдство ихъ изъ рода въ роды —
Ярмо съ гремушками или бичь.
(„Изыде сѣятель“).

Для вашей глупости и злобы
Имѣли вы до сей поры
Бичи, темницы, топоры;
Довольно съ васъ рабовъ безумныхъ! . . .
(„Чернь“).

Общественная жизнь была наполнена жестокостями всякаго рода: въ школѣ — сѣченіе, въ крестьянскомъ быту — крѣпостничество, въ военной службѣ — нѣмцы начальники, военные поселенія, кантонисты, шпицрутены („зеленая улица“), въ тюрьмахъ и по этапнымъ дорогамъ арестанты — приволенные къ желѣзному пруту по нѣсколько человѣкъ: на почтовыхъ станціяхъ — смотрители—„сущіе мученики XIV класса“ (по словамъ Пушкина). Жестокость носилась въ воздухѣ и наносила чуткой душѣ поэта тысячи уколовъ. Невѣжественное и апатичное общество относилось равнодушно къ лучшимъ литературнымъ силамъ страны и подчинялось вліянію продажныхъ писаекъ, въ родѣ Булгарина и Греча. Г. Скабичевскій въ „Очеркахъ ист. ист. рус. цензуры“ (1892) сообщаетъ, что и въ 40-хъ годахъ общество было настолько косо въ умственномъ отношеніи, что вышедшіе тогда 9—10 томы сочиненій Пушкина (гдѣ были, между прочимъ, „Мѣдный всадникъ“, „Русалка“, „Арапъ Петра Великаго“ и много дотолѣ ненапечатанныхъ стихотвореній), продавались очень тихо, а извѣстный генераль Дуббельтъ сказалъ Краевскому, что сочиненія Пушкина — дрянъ, которой и при жизни его было напечатано довольно, чтобы отыскивать и печатать еще „неизданныя“ его творенія.

Въ концѣ своей жизни (въ 1835 г.) Пушкинъ призналъ свой вѣкъ „жестокимъ“ и признался, что „въ неравной борьбѣ съ судьбой“ онъ „былъ ожесточенъ“. Онъ писалъ:

Въ уныніи часто
Я помышлялъ о юности моей,
Утраченной въ безплодныхъ испытаньяхъ,
О строгости заслуженныхъ упрековъ,
О дружбѣ, заплатившей мнѣ обидой
За жаръ души довѣрчивой и нѣжной —
И горькія вищѣли въ сердцѣ чувства.

Вотъ въ такіа-то минуты горькихъ воспоминаній явились стихотворенія „Чернь“, „Поэту“ и т. п. Здѣсь слышит-

ся ожесточеніе „души довѣрчивой и нѣжной“. Поэтъ говоритъ о палачахъ, бичахъ и топорахъ, потому что ему тяжело и больно въ той страшной атмосферѣ жестокости, въ которой онъ вращался въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ. Существуетъ цѣлый рядъ стихотвореній, носящихъ на себѣ слѣды личнаго раздраженія и обиды, слѣды неравной борьбы съ судьбой, глубокаго недовольства поэта обществомъ и сожалѣнія объ ошибкахъ и крайнихъ увлеченіяхъ своей юности.

Уже въ посланіи къ Ѳ. Н. Глинкѣ въ 1816 г. Пушкинъ говоритъ:

Когда средь оргій жизни шумной
 Меня постигнулъ остракизмъ,
 Увидѣлъ я толпы безумной
 Презрѣнный робкій эгоизмъ.

Въ посланіи къ Каверину 1817 г.:

И черни презирай ревнивое роптанье:
 Она не вѣдаетъ, что дружно можно жить
 Съ Киѳерой, Портикомъ, и съ книгой, и съ бока-
 ломъ;

Что умъ высокій можно скрыть
 Безумной шалости подъ легкимъ покрываломъ.

Въ посланіи къ Дельвигу 1817 г.:

Какъ рано зависти привлечь я взоръ кровавый
 И злобной клеветы невидимый кинжалъ.

Въ посланіи къ *** 1829 г.:

Но свѣтъ . . . жестокихъ осужденій
 Не измѣняетъ онъ своихъ:
 Онъ не караетъ заблужденій,
 Но тайны требуетъ для нихъ.
 Достойны равнаго презрѣнья
 Его тщеславная любовь
 И лицемѣрныя гоненія —
 Къ забвенью сердце приготовь.

Лучшія указанія даетъ „Отвѣтъ анониму“ 1830 г.:

Вниманья слабого предметъ уединенный,
 Къ доброжелательству досель я не привыкъ —

И страненъ мнѣ его привѣтливый языкъ.
 Смѣшонъ, участія кто требуетъ у свѣта!
 Холодная толпа взираетъ на поэта,
 Какъ на заѣзжаго фигляра; если онъ
 Глубоко выразитъ сердечный, тяжкій стонъ,
 И выстраданный стихъ, пронзительно-унылый,
 Ударитъ по сердцамъ съ невѣдомою силой —
 Она въ ладони бьетъ и хвалитъ, иль порой
 Неблагодарно киваетъ головой.
 Постигнетъ ли пѣвца нежданное гоненье,
 Утрата скорбная, изгнанье, заточенье —
 „Тѣмъ лучше“, говорятъ любители искусствъ,
 „Тѣмъ лучше! наберетъ онъ новыхъ думъ и чувствъ
 И намъ ихъ передастъ“. Но счастье поэта
 Межъ ними не найдетъ сердечнаго привѣта,
 Когда боязненно безмолствуетъ оно . . .

Въ послѣднихъ строкахъ находится упрекъ поэту не однимъ современникамъ, но и тѣмъ историкамъ литературы новаго времени, которые говорятъ о невольныхъ переселеніяхъ поэта съ сѣвера на югъ и съ юга на сѣверъ „Тѣмъ лучше!“ въ смыслѣ исправленія того или другаго недостатка. Первое переселеніе оправдывается тѣмъ, что поэтъ устраненъ былъ отъ ошибокъ и заблужденій и могъ познакомиться съ Крымомъ и Кавказомъ; второе — „ссылка въ село Михайловское очень тяжелая для поэта“, какъ оказывается, подоспѣла какъ разъ встать—безъ нея творчество Пушкина должно было бы остановиться (?): онъ дошелъ въ своемъ развитіи до того момента, когда ему оказалась нужной русская деревня съ ея безыскусственнымъ народнымъ бытомъ“. Бѣдный поэтъ! и потомству чужда идея о его личномъ счастьѣ, и даже исторія такъ склонна къ разнымъ оправданіямъ того, что поэтъ называлъ злой судьбой. Неужели, однако, не было для Пушкина другихъ путей для ознакомленія съ югомъ Россіи и съ русской деревней, и развѣ Кишиневъ и Михайловское могли замѣнить отсутствіе

Карамзина, Жуковского, Чаадаева, Дельвига? Пушкинъ глубоко чувствовалъ это лишеніе, особенно къ концу своего пребыванія въ Михайловскомъ. Въ его письмахъ къ друзьямъ изъ Михайловскаго мы находимъ многія краснорѣчивыя строки по этому поводу, напр. въ письмахъ 1825 г.:

къ *Жуковскому*: „Жалѣю, что нѣтъ у меня твоихъ совѣтовъ или хоть присутствія: оно вдохновеніе“;

къ *кн. Вяземскому*: „Мнѣ нуженъ англійскій языкъ, и вотъ одна изъ невыгодъ моей ссылки: не имѣю способвъ учиться, пока пора. Грѣхъ гонителямъ моимъ! И я, какъ А. Шенье, могу ударить себя въ голову и сказать: il y avait quelque chose là“ . . .

къ *Дельвигу*: „Нѣкто Вибій Серенъ, по доносу своего сына былъ присужденъ римскимъ сенатомъ къ заточенію на какомъ-то безлюдномъ островѣ. Тиберій воспротивился сему рѣшенію, говоря, что человѣка, коему дарована жизнь, не должно лишать способвъ къ поддержанію жизни. Слова, достойныя ума свѣтлаго и человѣколюбиваго!“

Въ письмѣ къ кн. Вяземскому начала іюня 1826 г. Пушкинъ говоритъ: „мое глухое Михайловское наводитъ на меня тоску и бѣшенство“.

Извѣстно, что Пушкинъ неоднократно бывалъ въ деревнѣ до 1824 года и послѣ 1826 года, а въ концѣ жизни хотѣлъ совсѣмъ переселиться въ Михайловское съ семьей, и только недостатокъ денежныхъ средствъ помѣшалъ ему привести въ исполненіе этотъ замыселъ. Извѣстно далѣе, что Пушкинъ побывалъ добровольно и на югѣ Россіи на Кавказѣ и хотѣлъ даже побывать за границей, гдѣ онъ, вѣроятно, нашель бы много поучительнаго и освѣжительнаго.

Пушкинъ видѣлъ мало доброжелательства въ обществѣ, среди друзей, въ семьѣ, и потому неудивительно, что онъ въ концѣ жизни въ „Памятникѣ“ (1836) называетъ свой вѣкъ „жестокимъ“ и почти одновременно въ стихотвореніи „Вновь я посѣтилъ“ (1835 г.) признавался,

что судьба его „борьбой неровной истомила“ и что онъ „ожесточенъ“. Да простятся же поэту суровыя строки, что вылились изъ его души въ горькія минуты ожесточенія, за тѣ добрыя чувства, которыя онъ пробуждалъ въ лучшіе моменты своего творчества, за требованія широкой свободы для духовной дѣятельности, за то, что онъ „милость къ надшимъ призывалъ“ и оставилъ потомству богатое гуманистическое наслѣдство въ видѣ многихъ безукоризненно чистыхъ въ нравственномъ отношеніи и доброжелательныхъ художественныхъ произведеній. Такое стихотвореніе, какъ „Чернь“, дѣйствительно сурово, и его жестокость нельзя скрыть никакими риторическими разглагольствованіями (Каткова, Кохановской и др.); но оно вполне объясняется современными Пушкину историческими обстоятельствами и сглаживается такими стихотвореніями, какъ Аквилонъ, Туча, Посланіе въ Сибирь, Пророкъ и др. т. п.

Перейдемъ отъ стихотвореній ожесточенія къ стихотвореніямъ любви, отъ тѣхъ, гдѣ слышится горькая жалоба на недостатокъ и оскорбленіе чувства дружбы, къ тѣмъ, гдѣ обнаруживается искренняя дружба, ласка, и горячая благодарность за нихъ.

Арина Родіоновна, крестьянка села Кобрина, въ 60 верстахъ отъ Петербурга, вынянчила сначала сестру поэта, потомъ его и, наконецъ, его брата. Въ 1799 г. она получила отпускную вмѣстѣ съ двумя сыновьями и двумя дочерьми. но не хотѣла воспользоваться вольною и до самой смерти оставалась въ семьѣ Пушкиныхъ (*Анненковъ. Матеріалы, 3*).

По словамъ обитательницъ Тригорскаго, сосѣдокъ и пріятельницъ Пушкина Осиповыхъ, Арина Родіоновна „была старушка чрезвычайно почтенная, лицомъ полная, вся сѣдая, страстно любившая своего питомца; но съ однимъ грѣшкомъ — любила выпить“ (*Незелен. 190*).

Пушкинъ впервые упоминаетъ о своей нянѣ въ стихотвореніи „Сонъ“ 1816 г.:

. . . Умолчу-ль о мамушкѣ моей,
 О прелести таинственныхъ ночей,
 Когда, въ чепцѣ, въ старинномъ одѣяньѣ,
 Она, духовъ молитвой уклони,
 Съ усердіемъ перекрестить меня
 И шопотомъ рассказывать мнѣ станетъ
 О мертвецахъ, о подвигахъ Бовы.
 Отъ ужаса не шелохнусь бывало;
 Едва дыша, прижмусь подъ одѣяло,
 Не чувствуя ни ногъ, ни головы.
 Подъ образомъ простой ночникъ изъ глины
 Чуть освѣщаль глубокія морщины,
 И длинный ротъ, гдѣ зуба два стучало,
 Все въ душу страхъ невольный поселяло;
 Я трепеталъ и тихо, наконецъ,
 Томленье сна на очи упало.
 Тогда толпой съ лазурной высоты
 На ложе розъ крылатыя мечты,
 Волшебники, волшебницы слетали,
 Обманами мой сонъ обворожали;
 Терялся я въ порывѣ сладкихъ думъ,
 Въ глуши лѣсной, средь Муромскихъ пустыней,

VI.

Н я н ѣ.

Подъ заглавіемъ „Нянѣ“ извѣстно одно стихотвореніе 1827 г. („Подруга дней моихъ суровыхъ“); но у Пушкина есть еще рядъ другихъ стихотвореній, гдѣ говорится о нянѣ, именно о его нянѣ Аринѣ Родіоновнѣ, безъ имени ея или съ другимъ именемъ. Разборъ этого рода стихотвореній интересенъ отчасти относительно біографіи поэта, отчасти относительно исторіи русскаго стараго крѣпостнаго времени; интересенъ въ смыслѣ эстетическомъ и нравственномъ, такъ какъ стихотворенія этого разряда весьма художественны и задушевы. Въ педагогическомъ отношеніи они имѣютъ высокую цѣнность. Есть великія красоты во внѣшнемъ мірѣ, въ синевѣ неба и моря, въ высокихъ горахъ и глубокихъ долинахъ, въ душистыхъ цвѣтахъ, въ очертаніяхъ человѣческаго лица; но еще большія красоты скрываются въ глубинѣ души человѣческой, души любящей, а такой была душа Арины Родіоновны, души гениа, а такой была душа Пушкина. Во всѣхъ стихотвореніяхъ Пушкина, обращенныхъ къ нянѣ, эти двѣ души — простая любящая и гениальная любящая — выступаютъ въ чудномъ гармоническомъ сочетаніи.

Встрѣчалъ лихихъ Полкановъ и Добрыней
И въ вымыслахъ носился юный умъ . . .

Въ этомъ стихотвореніи нужно отмѣтить внѣшнюю обстановку спальни (образъ, ночникъ), кое-какія черты наружности няни (морщины, беззубый ротъ) и ея одежды (стариннаго покроя, чепецъ), репертуаръ сказокъ (эпическія сказки объ Ильѣ Муромцѣ и Добрынѣ, заходящая о Бовѣ Королевичѣ и Полканѣ, демонологическія о волшебникахъ и мертвецахъ), способъ произнесенія ихъ (шопотомъ), молитвословія отъ злыхъ духовъ (можетъ быть молитва „Да воскреснетъ Богъ“, м. б. кое-какія апокрифическія молитвы отъ злыхъ духовъ), впечатлѣніе (ребенокъ „трепеталъ“ отъ страха и увлекался сюжетами, что вызывало даже сны то страшные, то „сладкіе“). Эти детали представляются уже любопытными и цѣнными для біографа Пушкина. Одна изъ нихъ — упоминаніе о Муромскихъ пустыняхъ и Добрынѣ — даетъ прямой отвѣтъ на замѣчаніе проф. Незеленова: „можетъ быть, она (няня) знала и былевой эпосъ“ (191).

Въ 1821 г. въ періодъ полной возмужалости поэтическаго генія Пушкинъ иногда представлялъ „музу“ въ видѣ своей няни, считалъ ее своей вдохновительницей и посвятилъ ей слѣдующія прекрасныя строфы:

Наперсница волшебной старины,
Другъ вымысловъ игривыхъ и печальныхъ —
Тебя я зналъ во дни моей весны,
Во дни утѣхъ и сновъ первоначальныхъ!
Я ждалъ тебя. Въ вечерней тишинѣ
Являлась ты веселою старушкой
И надо мной сидѣла въ шунунѣ,
Въ большихъ очкахъ и съ рѣзвою гремушкой.
Ты, дѣтскую качая колыбель,
Мой юный слухъ напѣвами плѣнила,
И межъ пелень оставила свирѣль,
Которую сама заворожила!
Младенчество прошло, какъ легкій сонъ;

Ты отрока безпечнаго любила —

Средь важныхъ музъ тебя лишь помнилъ онъ.

Это стихотвореніе я отношу не къ бабушкѣ поэта, Марьѣ Алексѣевнѣ Ганнибалъ († 1818 г.), а къ нянѣ. Оно, очевидно, восполняетъ „Сонъ“ 1816 г., сообщая, что сказки были серьезныя и шутливыя, говорились по вечерамъ, что няня была веселая старушка (NB. „любила выпить“), ходила въ шунунѣ, носила большія очки, что она иногда и пѣсни пѣла, не ограничиваясь сказками, что все это было дѣломъ ея любви къ „безпечному отроку“. Выраженіе „сновъ первоначальныхъ“ указываетъ на тѣ „сладкія думы“ во снѣ, о которыхъ говорится въ стихотвореніи 1816 г. Шунунъ — областное великор. слово для обозначенія женской кофты. Гремушки — извѣстная дѣтская игрушка — шарикъ на палочкѣ, а въ шарикѣ камушки, производящія стукъ, при колебаніи шарика.

Няня Ольги, Ѳадеевна, и безыменная няня Татьяны въ „Евгеніи Онѣгинѣ“, несомнѣнно, выражаютъ Арину Родіоновну, литературныя съ нею снимки. Оттого такъ живы и реальны эти няни старушки.

Ни дура англійской породы,
Ни своенравная мамзель,
(Благодаря уставамъ моды
Необходимыя досель)
Не баловали Ольги милой:
Ѳадеевна рукою хилой
Ея качала колыбель . . .
Стлала ей дѣтскую постель.
„Помилуй мя“ читать учила,
Бову средь ночи говорила,
Поутру наливала чай —
И баловала невзначай.

Бова попалъ сюда, очевидно, потому, что Пушкинъ наслушался о немъ въ дѣтствѣ отъ своей няни, на что уже и было имъ указано во „Снѣ“. Упоминаніе о молитвѣ „Помилуй мя“ восполняетъ наши свѣдѣнія о томъ,

какія молитвы читала Арина Родіоновна на сонъ грядущій.

Няня Татьяны — неподобное лицо въ русской литературѣ по эпической простотѣ и красотѣ типа — говорить:

..... я, бывало.

Хранила въ памяти не мало

Старинныхъ былей, небылицъ

Про злыхъ духовъ и про дѣвицъ.

А нынѣ все мнѣ темно, Тая,

Что знала, то забыла . . .

На вопросъ Татьяны о томъ, какъ няня провела молодость, любила ли она — слѣдуетъ такой отвѣтъ, въ которомъ Пушкинъ выступаетъ правдивымъ и гуманнымъ историкомъ, отвѣтъ, въ которомъ кроется глубокое осужденіе цѣлаго строя жизни съ закрѣпощеніемъ личности. Няня съ старческимъ эпическимъ спокойствіемъ сознается, что у ней не было молодости, не было любви. Эта прекрасная по добротѣ сердца старушка оказывается близкой родственницей того раба въ „Анчарѣ“, который ходилъ къ дереву яда и умеръ на лыкахъ. Молодость и любовь были взяты у ней чужими людьми, безъ спору ней. Здѣсь „непобѣдимымъ владыкой“ оказывается патриархальный строй семьи и неограниченный деспотизмъ отца семейства:

Недѣли двѣ ходила сваха

Къ моей роднѣ, и, наконецъ,

Благословилъ меня отецъ.

Я горько плакала со страха;

Мнѣ съ плачемъ косу расплели

И съ пѣньемъ въ церковь повели,

И вотъ ввели въ семью чужую . . .

Невѣстѣ было 13 лѣтъ, а мужъ моложе ея, мужъ — Ваня — мальчикъ. Что прожито и пережито — няня не говоритъ, а пережито навѣрно много горя въ этой чужой семьѣ съ 12-лѣтнимъ мужемъ молокососомъ, при такой свекрови, которая за любовь согнала бы со свѣта.

Біографія Арины Родіоновны неизвѣстна и, можно думать, что въ ея жизни была такая длинная темная полоса, и даже въ опредѣленіи возраста молодоженовъ нельзя видѣть у Пушкина рѣдкаго исключительнаго случая. По греко-римскимъ законамъ, „брачное совершенствіе“ опредѣлялось годами для мужчинъ 14 и 15, для женщинъ 12 и 13, каковы опредѣленія вошли и въ Кормчую книгу. Въ XVIII в. св. Синодъ назначилъ для жениха 15 и для невѣсты 13 лѣтній возрастъ, какъ minimum Въ 1830 г. Высочайшимъ указомъ было воспрещено заключеніе браковъ для мужчинъ ранѣе 18 л. и для женщинъ ранѣе 16 лѣтъ. Епархіальному начальству предоставлено было право разрѣшать бракосочетаніе на полугодіе ранѣе. Но отступленія были часты въ безправное крѣпостное время и, бывало, родители вѣнчали со всѣмъ малолѣтнихъ дѣтей.

Няня Татьяны „съ платкомъ на головѣ сѣдой“, „въ длинной тѣлогрѣйкѣ“. Видя волненіе Татьяны, она креститъ влюбленную дѣвушку „драхлой рукою“ и говорить ей:

Дитя мое, ты нездорова,

Господь помилуй и спаси!

Чего ты хочешь, попроси . . .

Дай окроплю святой водою . . .

И съ Пушкинымъ могла быть такая исторія, при его страстной увлекающейся натурѣ, при его влюбчивости, при горькихъ порывахъ раскаянія въ увлеченіи Вакхомъ и Кипридой, когда въ ночной тишинѣ предъ нимъ проходили чистые и свѣтлые женскіе образы, и поэтъ писалъ:

Въ бездѣйствіи ночномъ живѣй горятъ во мнѣ

Змѣи сердечной угрызенья;

Мечты кипятъ; въ умѣ, подавленномъ тоской,

Тѣснится тяжкихъ думъ избытокъ;

Воспоминаніе безмолвно предо мной

Свой длинный развиваетъ свитокъ:

И съ отвращеніемъ читая жизнь мою,

Я трепещу и проклиная,

И горько жалуясь, и горько слезы лью . . .

И въ такіе моменты Арина Родіоновна крестила поэта, читала молитву о его здравіи, обрызгивала его святой водой. Въ стихотвореніи „Воспоминаніе“, откуда взяты эти строки, звучит такое раскаяніе. такое покаяніе, омываемое слезами, что нужно быть мелкимъ изувѣромъ, чтобы упрекнуть великаго поэта въ служеніи Ваху и Киридѣ, забывъ всѣ его заслуги въ области просвѣщенія, литературы, гуманизма, забывъ всѣ условія и обстоятельства современнаго ему великосвѣтскаго общества и семьи. Правда, „Воспоминаніе“ написано въ 1828 г., когда Пушкинъ жилъ безъ няни; но такое душевное, состояніе бывало у него и ранѣе, что видно изъ многихъ стихотвореній (напр., „Погасло дневное свѣтило“ 1820 г.).

Въ томъ же „Евгеніи Онѣгинѣ“ Пушкинъ говоритъ уже прямо о своей нянѣ:

Но я плоды своихъ мечтаній

И гармоническихъ затѣй,

Читаю только старой нянѣ,

Подругѣ юности моей.

Это было написано въ 1825 г., въ одинъ годъ съ стихами о Ѳадеевнѣ, и годомъ позже послѣ чудныхъ стиховъ о нянѣ Татьяны, которые, весьма возможно, были прочитаны Пушкинымъ нянѣ и выкли въ свѣтъ съ ея, такъ сказать, апробаціи.

Въ 1824 году Пушкинъ писалъ брату: „Знаешь ли мои занятія? до обѣда пишу записки, обѣдаю поздно; послѣ обѣда ѣзжу верхомъ, вечеромъ слушаю сказки— и вознаграждаю тѣмъ недостатки проклятаго своего воспитанія. Что за прелесть эти сказки! каждая есть поэма!“ Въ 1824—1825 годахъ Пушкинъ провелъ въ Михайловскомъ въ сообществѣ почти исключительно одной няни; изрѣдка пріѣзжалъ кто-нибудь изъ пріятелей. Въ 1825 г. Пушкинъ писалъ кн. Вяземскому: „Покажѣсть я одинъ одиначенекъ; живу недорослемъ, валаюсь на ле-

жанкѣ и слушаю старыя сказки да пѣсни“. Въ томъ же году онъ вынужденъ былъ прогнать какою-то Розу Григорьевну, должно быть, экономку, „за непристойное поведеніе“ (дерзость и воровство). „А то бы она уморила няню, которая начала отъ нея худѣть“, писалъ онъ по этому поводу своему брату.

Зиму 1825 г. Пушкинъ проводилъ съ няней въ своемъ глухомъ Михайловскомъ. Въ эту зиму написано одно изъ лучшихъ въ художественномъ отношеніи произведеній „Зимній вечеръ“. Подробно на этомъ прелестномъ стихотвореніи мы остановимся въ другой разъ. Оно заслуживаетъ особой монографіи. Здѣсь оно подошло по упоминанію объ Аринѣ Родіоновнѣ:

Что же ты, моя старушка,

Пріумоляла у окна?

Или бури завываньемъ

Ты, мой другъ, утомлена?

Или дремлешь подъ жужжаньемъ

Своего веретена?

Выпьемъ добрая подружка

Бѣдной юности моей,

Выпьемъ съ горя; гдѣ же кружка?

Сердцу будетъ веселѣй.

Спой мнѣ пѣсню, какъ синица

Тихо за моремъ жила;

Спой мнѣ пѣсню, какъ дѣвица

За водой поутру шла.

Итакъ, няня и днемъ сказывала нашему поэту сказки и пѣвала пѣсни, сидя за веретенкомъ, разбирая нити, когда крестьянская женщина вообще любитъ пѣть. Зимнія сумерки, завываніе вѣтра, склонили старушку къ дремотѣ, и навели на ея слушателя тоску одиночества. Чтобы подбодрить свою няню и самого себя— поэтъ обращается къ вину, которое въ Михайловскомъ всегда было въ запасѣ, которое было на руку и старушкѣ, „любившей выпить“. Серьезныя заунывныя пѣсни не идутъ. И безъ того скучно, и поэтъ проситъ

свою няню спѣть веселыя пѣсни про синицу („За моремъ синичка не пышно жила“) и про дѣвицу („По улицѣ мостовой шла дѣвица за водою“).

Къ 1825 г. въ декабрѣ въ Петербургѣ произошло извѣстное печальное революціонное волненіе. Пушкинъ не участвовалъ въ заговорѣ; но опасался, что будетъ замѣшанъ, какъ опальный, какъ пріятель многихъ декабристовъ. И за себя онъ боялся, и пострадавшихъ друзей жалѣлъ, желалъ для нихъ милосердія и снисхожденія. Въ августѣ 1826 г. онъ писалъ кн. Вяземскому: „я все таки надѣюсь на коронацію. Повѣщенные повѣшены; но каторга 120 друзей, братьевъ, товарищей ужасна. Изъ моихъ Записокъ сохранилъ я только нѣсколько листовъ“... И няня боялась за своего питомца. Пушкинъ просилъ о дозволеніи оставить Михайловское. Въ августѣ 1826 года прискакалъ въ Михайловское фельдъегерь и увезъ поэта. Пушкинъ не имѣлъ времени даже одѣться. Его повезли въ Москву на свиданіе съ императоромъ Николаемъ Павловичемъ, который предоставилъ поэту свободу. Няня была испугана быстрымъ отъѣздомъ его; она думала все то дурное, о чемъ слышалась ранѣе — бѣдная старушка пережила минуты горести, которыя для поэта были минутами радости. Она сбѣгала къ добрымъ сосѣдкамъ Пушкина — Осиповымъ и сообщила имъ о случившемся. Когда въ ноябрѣ Пушкинъ возвратился вольнымъ въ „покинутую тюрьму“, то . . . но здѣсь представимъ говорить самому Пушкину: „Няня моя уморительна, писалъ П. кн. Вяземскому 9 ноября 1826 г.; вообрази, что 70-ти лѣтъ она выучила наизусть новую молитву о *умиленіи сердца владыки и укрощеніи духа его свирѣпости*, молитву, вѣроятно, сочиненную при царѣ Иванѣ ¹⁾. Теперь у ней попы дерутъ молебень и мѣшаютъ мнѣ заниматься дѣломъ“....

¹⁾ Молитва, очевидно, апокрифическая, вѣроятно, въ-родѣ тѣхъ, которыя вошли въ „Великорус. заклинанія“ Л. Н. Май-

Съ 1826 года начинается разлука: Пушкинъ поселился въ Петербургѣ и закружился въ вихрѣ свѣта; Арина Родионовна осталась въ сельской тиши Михайловскаго. Она писала своему питомцу письма и, по полученіи одного такого письма ¹⁾, Пушкинъ написалъ въ 1827 г. слѣдующее стихотвореніе, истинный перлъ гуманизма:

Подруга дней моихъ суровыхъ,
Голубка дряхлая моя!
Одна въ глуши лѣсовъ сосновыхъ
Давно, давно ты ждешь меня.
Ты подъ окномъ своей свѣтлицы
Горюешь, будто на часахъ,
И медлятъ поминутно спицы
Въ твоихъ наморщенныхъ рукахъ.
Глядишь въ забытыя ворота
На черный отдаленный путь:
Тоска, предчувствіе, заботы
Тѣснятъ твою всечасно грудь . . .
То чудится тебѣ . . .

Что чудится? отвѣта нѣтъ. Стихотвореніе осталось какъ бы не законченнымъ и таковымъ считаютъ его изслѣдователи, напр., проф. Незеленовъ (стр. 5). На мой взглядъ, стихотвореніе закончено въ художественномъ отношеніи. Эта кажущаяся незаконченность выражаетъ незаконченность или точнѣе безконечность любви. На

кова стр. 337—350 и въ „Сборн. малорус. заклин.“ П. С. Ефименка (отъ начальства и панивъ).

¹⁾ Напечатано въ „Матеріалахъ“ Анненкова, стр. 4: „Любезный мой другъ Александръ Сергѣевичъ! Я получила письмо и деньги, которыя вы мнѣ прислали. За всѣ ваши милости я вамъ всѣмъ сердцемъ благодарю; вы у меня безпрестанно въ сердцѣ и на умѣ и только, когда засну, забуду васъ. Пріѣзжай, мой ангелъ, къ намъ въ Михайловское — всѣхъ лошадей на дорогу выставлю. Я васъ буду ожидать и молить Бога, чтобы онъ далъ намъ свидѣться“.... Письма писали, по просьбѣ Арины, при ея неграмотности, постороннія лица; но мысли и форма выраженія ихъ были диктованы ею.

стихотвореніе наброшено въ мягкій задушевный колоритъ. Что чудится любящему сердцу доброй женщины, матери, няни? Многое-многое, чтобы „безпечный отроубъ“, а такимъ Пушкинъ, навѣрно, всегда оставался въ глазахъ Арины Родіоновны, не увлекся во вредъ своему здоровью, не вызвалъ, какъ говорится въ заговорѣ. свирѣпости въ сердцѣ владыки, чтобы, какъ поется въ пѣсняхъ, и солнце его не запекло, и вѣтромъ не завѣяло, и красныя дѣвицы его не сглазили. Многое-многое чудится дряхлой старушкѣ—старость такъ боязлива и мнительна! Михайловское—„покинутая тюрьма“—облеклось для Пушкина въ поэтическую дымку—„черный отдаленный путь“, „забытыя ворота“, глушь лѣсовъ сосновыхъ. Въ „Зимнемъ вечерѣ“ мы видѣли няню за веретенкомъ; здѣсь находимъ ее за вязаніемъ чулка. медленнымъ старческимъ дѣломъ, еще болѣе замедленнымъ тревожными думами о „безпечномъ отроубѣ“ въ бурномъ житейскомъ морѣ. Замѣчательно выраженіе „подруга дней моихъ суровыхъ“, третье по счету, гдѣ Пушкинъ называетъ свою няню подругой (въ „Евгеніи Онѣгинѣ“ и „Зимнемъ вечерѣ“).

А. О. Смирнова въ „Запискахъ“ (*Сверн. Вѣстн.* 1893, IX, 257) говоритъ: „Пушкинъ читалъ мнѣ сказки въ прозѣ, которыя рассказывала ему его няня Арина; онъ переложилъ ихъ въ прелестные стихи, чисто-народные; особенно хороша сказка о „Золотой рыбкѣ“; она безукоризненна. „Наташа“ (рѣчь идетъ, очевидно, о „Женихѣ“) менѣ нравится мнѣ; но и она народна; и это рассказала ему Арина... Пушкинъ прочелъ мнѣ пѣснь о Стенькѣ Разинѣ, которую сообщила ему Арина, и двѣ другія, слышанныя имъ въ Екатеринославѣ въ ранней молодости... Пушкинъ хочетъ переложить все это въ стихи“... Хотя многорѣчивыя Записки Смирновой и нельзя признать вполне достовѣрными; но это сообщеніе о сказкахъ Арины можно принять безъ колебанія. О томъ, какъ передѣлывалъ Пушкинъ сказки няни, см.

любопытныя строки въ „Матеріалахъ“ *Анненкова* стр. 113—114.

Въ половинѣ 1828 г. Арина Родіоновна умерла 70 лѣтъ въ домѣ сестры поэта Ольги Сергѣевны Павлицевой. Въ VIII гл. Евгенія Онѣгина. написанной въ 1829 г., Татьяна говоритъ, что она весь блескъ своей замужней жизни готова отдать

За тѣ мѣста, гдѣ въ первый разъ.
Онѣгинъ, видѣла я васъ,
Да за смиренное кладбище.
Гдѣ нынче крестъ и тѣнь вѣтвей
Надъ бѣдной нянею моею . . .

Въ стихотвореніи „Свять, Иванъ“ 1833 г., написанномъ въ духѣ народной поэзіи, поэтъ намѣренъ сдѣлать поминки по какой-то Пахомовнѣ, подъ которой, быть можетъ, онъ разумѣлъ свою покойную няню, когда писалъ:

А Пахомовну потомъ.
Пирогами да виномъ,
Да еще ее помянемъ —
Сказки сказывать мы станемъ.
Мастерица вѣдь была!
И откуда что брала?
А куда разумны шутки,
Приговорки, прибаутки,
Небылицы, быliny
Православной старины! . . .
Слушать такъ душѣ отрадно;
Кто придумалъ ихъ такъ складно?
И не пилъ бы, и не ѣлъ,
Все бы слушалъ да глядѣлъ.

Въ письмѣ къ женѣ изъ Тригорскаго отъ 25 сентября 1835 г. Пушкинъ говоритъ: „Въ Михайловскомъ я нашелъ все по старому, кромѣ того, что нѣтъ уже въ немъ няни моей, и что около знакомыхъ старыхъ сосенъ поднялась во время моего отсутствія молодая сосновая семья, на которую досадно мнѣ смотрѣть, какъ иногда

досадно мнѣ видѣть молодыхъ кавалергардовъ на балахъ, на которыхъ уже не пляшу. Но нечего дѣлать: все кругомъ меня говоритъ, что я старѣю, — иногда даже чистымъ русскимъ языкомъ. Наприм., вчера мнѣ встрѣтилась знакомая баба, которой не могъ я не сказать, что она перемѣнилась. А она мнѣ: да и ты, мой кормилецъ, состарѣлся да и подурнѣлъ. Хотя могу я сказать вмѣстѣ съ покойной моей няней: хорошъ никогда не былъ, а молодъ былъ“.

Это письмо служить превосходнымъ комментариемъ къ стихотворенію 1835 г. (6 сентября):

Вновь я посѣтилъ

Тотъ уголокъ земли, гдѣ я провелъ

Отшельникомъ два года незамѣтныхъ.

Ужъ десять лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, и много

Перемѣнилось въ жизни для меня,

И самъ, покорный общему закону,

Перемѣнился я... Вотъ смиренный домикъ,

Гдѣ жилъ я съ бѣдной нянею моею.

Уже старушки нѣтъ; ужъ за стѣною

Не слышу я шаговъ ея тяжелыхъ,

Ни утреннихъ ея дозоровъ,

А вечеромъ, при завываньѣ бури,

Ея разказовъ, мною затверженныхъ

Отъ малыхъ лѣтъ, но никогда не скучныхъ.

Далѣе поэтъ говоритъ о лѣсистомъ холмѣ, объ озерѣ, о трехъ соснахъ „на границѣ дѣдовскихъ владѣній“, о томъ, что

... около корней ихъ устарѣлыхъ,

Гдѣ нѣкогда все было пусто, голо,

Теперь младая роща разрослась...

Это прекрасное задумешное стихотвореніе въ связи съ письмомъ объясняетъ нѣкоторыя предыдущія стихотворенія Пушкина, въ особенности „Деревню“ 1819 г. („пустынный уголокъ“, „пріютъ спокойствія“, темный садъ, озеро, рыбаки), „Зимній вечеръ“ (разказы няни „при завываньѣ бури“), „Нянь“ („въ глуши лѣсовъ сосно-

выхъ“), вообще, всѣ стихотворенія, гдѣ въ томъ или другомъ видѣ обрисована Арина Родіоновна.

Сентябремъ 1835 г. закончились воспоминанія Пушкина о своей нянѣ, точнѣе письменные о томъ слѣды, а черезъ годъ съ небольшимъ скончался и Пушкинъ; его любовь къ нянѣ и любовь няни къ нему входятъ въ область исторіи, какъ одна изъ прекрасныхъ страничекъ истинно человѣческихъ отношеній.

Поправка. Въ статьѣ V („Зачѣмъ крутится вѣтръ“) я замѣтилъ, что невѣжественное общество (30-хъ годовъ) подчинялось вліянію продажныхъ писателей въ родѣ Булгарина и Греча. Относительно Греча я выразился несправедливо. Гречу много вредила его дружба съ Булгаринымъ; но Гречь къ предательству и доносамъ не прибѣгалъ. „Не смотря на нѣкоторыя черты характера и поступки, которые не разъ возстановляли противъ него общественное мнѣніе, говоритъ А. В. Никитенко въ „Дневникѣ“ (III, 133), Гречь все таки былъ замѣчательный дѣятель въ литературѣ и человѣкъ съ несомнѣнными способностями и заслугами“. Въ нравственную заслугу Н. И. Гречу нужно поставить, что онъ въ 1837 г. по случаю смерти Пушкина имѣлъ смѣлость заявить въ „Сѣверной Пчелѣ“, что „Россія обязана благодарностью Пушкину за 22-лѣтнія заслуги его на поприщѣ словесности“; за эти слова Гречь получалъ строгій выговоръ отъ Бенкендорфа (ibid. I 383).

Дополненія къ статьѣ о „Пророкѣ“.

Начало стихотворенія Пушкина „Пророкъ“ указываетъ на такое же тревожное состояніе духа, какъ и начало „Божественной Комедіи“ Данта. У Пушкина человѣкъ, томимый духовной жаждой, влечется въ пустынь, и, нужно думать, что человѣкъ этотъ не первой молодости, потому что онъ многое испыталъ въ жизни, пока дошелъ до жажды духовной, но и не старецъ, такъ какъ ему предопредѣлено обойти моря и земли, проповѣдуя новое слово истины и добра. Это человѣкъ среднихъ лѣтъ. Согласно съ этимъ у Данта:

*Nel mezzo del camin di nostra vita
Mi ritrovaj per una selva oscura,
Que la diritta via era smarrita.*

Поэтъ посрединѣ своей жизни потерялъ прямой путь и очутился въ темномъ лѣсу (=мрачной пустынь). Это одно изъ психологическихъ совпаденій, весьма возможныхъ на тернистомъ пути человѣческой жизни, внѣ какихъ либо національныхъ или хронологическихъ приуроченій.

Въ „Пророкѣ“ Пушкина заслуживаетъ вниманія преобразование сердца. Ангелъ перстами легкими какъ сонъ (слѣдовательно безъ боли) разсѣкъ мечомъ грудь пророка

*И сердце трепетное вынулъ,
И угль пылающій огнемъ*

Во грудь отверстую водвинулъ.

Въ первой статьѣ о „Пророкѣ“ я уже замѣтилъ, что этотъ образъ не обусловленъ текстомъ кн. пр. Исаи, гдѣ серафимъ прикасается горящимъ углемъ къ устамъ пророка. Пушкинъ беретъ такой образъ, который характеризуетъ вершины аскетическаго экстаза, и въ видѣ такой характерной черты образъ этотъ воспроизводится въ религіозныхъ сказаніяхъ разныхъ народовъ и разныхъ временъ.

Съ дѣтствомъ Магомета связано такое преданіе, чрезвычайно любопытное по историческому параллелизму съ „Пророкомъ“ Пушкина: Магометъ трехъ лѣтъ отъ роду игралъ въ полѣ съ своимъ старшимъ братомъ Масрудомъ. Къ нему подошли въ блескѣ и сіяніи два ангела, и одинъ изъ нихъ, Гавріиль, положилъ Магомета на землю, раскрылъ ему грудь, не причинивъ боли, вынулъ сердце, очистилъ его отъ всякой нечистоты, выжалъ изъ него черныя и горькія капли врожденнаго грѣха, унаслѣдованнаго отъ праотца Адама, наполнилъ сердце вѣрой, знаніемъ и пророческимъ усердіемъ и снова вложилъ его въ грудь. Теперь отъ Магомета стала исходить таинственный свѣтъ, который былъ нѣкогда свойственъ Адаму и еврейскимъ пророкамъ, обнаруживался до времени Исаака и Измаила и временно былъ скрытъ въ ихъ потомствѣ до Магомета. Во время этого очищенія сердца ангелъ Гавріиль наложилъ пророческую печать между плечами Магомета, которую Магометъ носилъ въ теченіе всей своей жизни, какъ знакъ высшей миссіи. Арабское преданіе наивно добавляетъ, что невѣрные ничего другаго не видѣли въ этомъ знакѣ, какъ широкое родимое пятно, величиной въ яйцо голубя (*Washington Irving, The life of Mahomet, 19—20*).

Въ Вѣстникѣ Европы 1892 г. напечатаны обширныя статьи *В. И. Герье* о Францискѣ Ассизскомъ и Катаринѣ Сиенской. Здѣсь находится, между прочимъ, кое-что подходящее для объясненія нѣкоторыхъ деталей „Пророка“, въ смыслѣ возможнаго историческаго освѣщенія ихъ. Весьма замѣчательной представляется слѣдующая черта изъ жизни католической подвижницы XIV вѣка Катарини Сиенской. Жизнь этой женщины представляетъ большой интересъ для историка и психолога. Катарина часто впадала въ религіозный экстазъ, имѣла видѣнія, передавала потомъ о своихъ разговорахъ со Христомъ и пресв. Богородицей. Повторяя въ своей молитвѣ слова псаломщика (L, 12) „сердце чисто, сотвори во мнѣ, Боже, и духъ правый обнови внутри меня“, Ка-

тарина просила Господа взять у нея сердце и волю. Въ видѣннїи ей послѣ этого явился Христосъ, вынулъ изъ груди ея сердце и унесъ его съ собою. Испытанное Катариной ощущеніе было такъ живо, что она послѣ этого и физически не ощущала у себя сердца и сказала объ этомъ своему духовнику. Духовникъ посмѣялся надъ ней, сказавъ, что человѣкъ не можетъ жить безъ сердца. Нѣсколько времени спустя Катарина увидѣла въ часовнѣ вокругъ себя яркій свѣтъ. Явился Христосъ, держа въ рукѣ своей лучезарное сердце, которое онъ и далъ ей взаменъ ея прежняго сердца. Сестры общины Катаринины увѣряли потомъ, что на груди ея остался слѣдъ отъ полученной при этомъ и зажившей потомъ надъ сердцемъ раны“ (В. Е. IX 25). Здѣсь, очевидно, мы имѣемъ легенду, параллельную мусульманской о Магометѣ и пушкинскому стиху о преобразованіи сердца пророка. Любопытно, что Пушкинъ, по гениальной прозорливости, воспроизвелъ эту тишическую черту. Такая деталь даетъ „Пророку“ Пушкина мировое значеніе.

Духовное преобразование Франциска Ассизскаго и Катаринины Сиенской является также не лишеной интереса исторической параллелью къ „Пророку“ Пушкина. Прямымъ послѣдствіемъ ихъ духовнаго перерожденія является любовь. У Франциска она выражается въ полудѣтскомъ, полу-поэтическомъ братаніи со всей природой: онъ обращался съ проповѣдью къ птицамъ, къ волку, остерегался раздавить на дорогѣ червяка, съ любовью относился ко всѣмъ животнымъ. Катарина сосредоточила свою любовь на человѣкѣ, наиболѣе нуждающемся въ любви. Любовь ко Христу становится для нея невысказанной безъ любви къ человѣку. Въ одномъ изъ многочисленныхъ видѣннїи Христа и разговора съ Нимъ Катарина услышала слѣдующее замѣчательное по истинѣ божественное поученіе: „Ты знаешь, что есть двѣ заповѣди любви Моей — любить меня и ближняго, и Я хочу, чтобы ты исполнила оба эти закона, и не на одномъ, а на двухъ крыльяхъ вознеслась къ небу“.

Въ первой статьѣ мы уже замѣтили, что высшимъ историческимъ воплощеніемъ идеи пушкинскаго „Пророка“ можно признать св. ап. Павла и, соотвѣтственно этому замѣчанію, здѣсь добавимъ, что лучшимъ комментариемъ тѣхъ глаголовъ, которые несетъ съ собой въ міръ „Пророкъ“ Пушкина, должна служить XIII глава I посланія ап. Павла къ Коринтоянамъ, гдѣ находится замѣчательно широкое опредѣленіе любви: „если имѣю даръ пророчества и знаю все тайны, всякое познаніе и всю вѣру, такъ что могу и горы переставлять; а не имѣю любви, то я ничто“....

Недавно вышла въ русскомъ переводѣ любопытная „Рѣчь“ проф. Друммонда „Какъ преобразить нашу жизнь“. Здѣсь развивается идея о подражаніи Христу и, между прочимъ, высказывается одно положеніе, примѣнимое и къ пушкинскому пророку: „Религія бездѣятельнаго поклоненія можетъ быть религіей для ангеловъ, а не для людей. Не въ благоговѣйномъ созерцаніи, а въ живой и серьезной работѣ заключается истинная надежда; не въ сферахъ воображенія, а въ наличной сѣрой дѣйствительности совершается истинная жизнь; не въ области идеаловъ, а среди близкихъ осязаемыхъ вещей вырабатывается освященіе человѣка. Твердая рѣшимость, настойчивость, упорный и тяжелый трудъ, самораспинаніе, борьба до послѣдняго издыханія приобрѣтаютъ теперь все свое значеніе“ (моск. изд. 1893 г. стр. 36).

Въ видѣ маленькаго комментарія къ пушкинскому стиху о томъ, что пророкъ, послѣ преобразованія органа слуха, внялъ „и дольней лозы прозябаніе“, отмѣтимъ малорусское народное выраженіе о быстро растущемъ хлѣбѣ въ поляхъ: „ярына ажъ шуметь“, что также предполагаетъ существованіе звука при сильномъ ростѣ растений.

довникова 21, Сборн. матер. Кавк. XIII 109, 117, Этнограф. Обзор. 1890 II 116, Сборн. зулусск. сказокъ 64, Gonzenbach (сицилійская) II 215, Минаевъ (индiйск.) 97, 109, Cosquin I № 15 (франц. и др.), Luzel I 446, Калмъ и Димитъ пер. Аттаи 154, Maspero 182 (древне-египетская).

Дополненiя къ статьѣ о стих. „И путникъ усталый“...

Проф. В. О. Миллеръ въ рецензи на X т. „Сборника матер. для опис. Кавказа“ приводитъ двѣ сказки о долгомъ снѣ, грузинскую и японскую, весьма сходныя. Грузинская называется „Земля свое возьметъ“. Юноша ищетъ такой страны, гдѣ нѣтъ смерти. Онъ встрѣтилъ красивую дѣвушку лѣтъ 15, которая оказалась вѣчной красотой. Юноша пробылъ съ дѣвушкой, не замѣтивъ, тысячу лѣтъ, вспомнилъ о матери и возвратился на родину, получивъ отъ красавицы три яблока. На родинѣ все уже было чуждо ему; тогда онъ съѣлъ 2 яблока и постарѣлъ, а за третьимъ яблокомъ умеръ. Въ японской сказкѣ юноша встрѣчаетъ красавицу Фею на берегу моря, идетъ съ нею въ страну безсмертiя и здѣсь проводитъ съ феей триста лѣтъ. Возвратившись на родину, онъ замѣтилъ удивительную перемѣну. Фея дала ему ящикъ, запретивъ его открывать. Онъ открылъ, и оттуда вылетѣло легкое серебристое облачко. Это была жизненная сила юноши, и онъ тотчасъ одряхлѣлъ и умеръ. Сказки эти напечатаны — грузинская въ X т. Сборника, а японская у Крона. „Какими путями, говорить проф. В. О. Миллеръ, и откуда распространился первоначальный рассказъ, потомки котораго оказываются на Кавказѣ и въ Японiи—это вопросъ, на который, вѣроятно, не скоро будетъ полученъ отвѣтъ. Мы указали во II гл. на древне-классическiя и иранскiя версиі, что достаточно объясняетъ и кавказскую версію. Помѣщеніе души въ ящикъ — широко распространенный сказочный мотивъ, и мы встрѣчали его въ слѣд. сборникахъ: Са-

Примѣчаніе. Второй выпускъ печатается по частямъ въ Рус. Фил. Вѣст.

СОДЕРЖАНІЕ.

Предисловіе	1
I. Пророкъ	1
II. И путникъ усталый	16
Народныя сказанія о чудесномъ снѣ.	
III—IV. Рѣдѣтъ облаковъ летучая гряда. Ненастный день потухъ.	32
Народныя пѣсни о вечерней звѣздѣ.	
V. Зачѣмъ крутится вѣтръ въ оврагѣ	46
VI. Нянь	62
Поправка неудачнаго выраженія о Н. И. Гречѣ въ V гл.	75
Дополненія къ статьѣ о „Пророкъ“	76
Дополненія къ статьѣ о стих. „И путникъ усталый“	80
Примѣчаніе о печатаніи II выпуска „Этюдъ о Пушкинѣ“	81
